

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1

---

1 9 6 3

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Еттинчи йил нашири

1

1963

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
ТОШКЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания седьмой

1

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР А. Й. ИШАНОВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор ист. наук А. Х. БАБАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ, доктор филол. наук А. П. ҚАЮМОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. Қ. ВАЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. филол. наук Х. Т. ЗАРИФОВ, канд. иск. наук Ф. М. ҚАРОМАТОВ, канд. филол. наук Х. У. КУРБАНОВА, канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

К ИТОГАМ И ЗАДАЧАМ РАБОТЫ ИНСТИТУТОВ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН УзССР

В героической летописи борьбы партии и народа за мир и коммунизм 1962 год займет одну из самых примечательных страниц, овеянных славой величественных свершений советских людей на всех участках развернутого строительства коммунизма. Под испытанным водительством ленинской партии советский народ множит усилия и набирает темпы в борьбе за осуществление грандиозной программы построения коммунистического общества в СССР, принятой XXII съездом КПСС.

Более чем на 9% перевыполнен годовой план выпуска валовой продукции промышленности, и нет никаких сомнений в досрочном выполнении всего семилетнего плана. Тем самым успешно решается задача экономического соревнования СССР с капиталистическими странами.

Отрадно сознавать, что в быстром движении вперед отечественной промышленности есть доля творческого труда узбекского народа, что труженики заводов и фабрик нашей республики идут в ногу с рабочим классом всей страны. В 1962 г. промышленные предприятия УзССР давали стране каждые сутки 1000 т стали, 16 тыс. т угля, 6 тыс. т нефти, 6 млн. м³ газа, 20 млн. кВт-ч электроэнергии, 6 тыс. т цемента. 25 декабря 1962 г. работники промышленности досрочно завершили годовой план выпуска валовой продукции.

Порадовало в этом году свою Родину и наше доблестное колхозное крестьянство, находящееся на ударном участке коммунистического строительства, ибо дальнейший подъем сельскохозяйственного производства, как указывает Н. С. Хрущев, — это дело всей партии, всего народа, это тот рубеж коммунизма, который мы должны брать всей мощью советского строя.

Достигнуты новые успехи в подъеме земледелия и животноводства. В 1962 г. посевные площади в СССР увеличились более чем на 11 млн. га. Несмотря на неблагоприятные для ряда районов условия погоды, валовой урожай зерна в истекшем году был больше, чем в 1961 г. Увеличились заготовки мяса, молока и другой сельскохозяйственной продукции.

Колхозы и совхозы Узбекистана выполнили годовые задания по продаже и сдаче государству зерна, каракульских смушек, кенафа, яиц, коконов тутового шелкопряда.

Хотя нынешний год сложился неблагоприятно для хлопководства и по основным источникам орошения наблюдалось невиданное маловодье, труженики колхозов и совхозов республики под руководством

партийной организации, при огромной помощи ЦК КПСС и Советского правительства вырастили хороший урожай хлопка.

Благодаря успехам всех отраслей народного хозяйства в 1962 г. продолжал неуклонно улучшаться жизненный уровень советских людей, росло потребление продуктов питания и промышленных изделий, усиливались темпы жилищного строительства.

Ярким воплощением успехов партии и народа в строительстве коммунизма явились новые замечательные достижения в освоении космического пространства — сказочный групповой полет космонавтов А. Г. Николаева и П. Р. Поповича и продолжающийся ныне полет автоматической межпланетной станции в сторону планеты Марс.

Итак, «за истекший год, — говоря словами Н. С. Хрущева, — мы добились больших успехов как во внутренней жизни, так и на международной арене. Мы можем с полным основанием сказать, что дела наши идут успешно и проводимый партией ленинский курс приносит хорошие плоды»¹.

Конец года ознаменовался таким важнейшим событием, как ноябрьский Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам улучшения партийного руководства промышленностью, строительством и сельским хозяйством.

Принятые по докладу Н. С. Хрущева «Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством» решения Пленума наметили конкретные пути дальнейшего совершенствования хозяйственного руководства и планирования. Эти решения означают крупный шаг вперед в совершенствовании партийного руководства промышленностью, строительством, сельским хозяйством, создание цельной и стройной системы управления нашим народным хозяйством. Они позволяют ускорить темпы научно-технического прогресса, еще эффективнее использовать огромные возможности и преимущества плановой социалистической экономики, ускорить темпы роста общественного производства и народного благосостояния, темпы создания материально-технической базы коммунизма.

В период развернутого строительства коммунизма необычайно возрастает роль науки в жизни общества, в том числе общественных наук. Как отмечал акад. Л. Ф. Ильичев в своем докладе 19 октября 1962 г. на сессии Общего собрания АН СССР, посвященной задачам развития общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма, работники общественных наук находятся на весьма важном направлении коммунистического строительства и призваны активно участвовать в создании нового общества, помогать партии в творческом развитии и пропаганде марксистско-ленинского учения — жизненной основы советского строя.

Оправдать высокое доверие партии и народа — дело чести всех работников общественных наук.

Надо сказать, что итоги работы институтов Отделения общественных наук АН УзССР за 1962 г. свидетельствуют о том, что научные коллективы этих институтов добились некоторых новых успехов в перестройке своей работы в соответствии с повышенными требованиями партии и народа. Более актуальными становятся темы исследований, повышается их научный уровень, растут и крепнут связи ученых с жизнью, с запросами масс.

Планы научно-исследовательских работ наших институтов пересмотрены под углом зрения устранения мелких и случайных тем и

¹ «Правда», 20 ноября 1962 г.

концентрации основных сил ученых на изучении и решении основных проблем истории и обобщении опыта коммунистического строительства в условиях Узбекистана и всей Средней Азии.

Такая перестройка требует, конечно, известного времени, но уже сейчас можно констатировать сдвиги к лучшему в этом направлении.

Возьмем, например, научную продукцию институтов Отделения общественных наук АН УзССР за 1962 г., отразившуюся в изданных или подготовленных ими к печати основных трудах.

Институт экономики завершил в 1962 г. работы по определению экономической эффективности капитальных вложений в строительство завода огнеупоров на базе вторичных каолинов Ангрена; экономической эффективности капиталовложений в развитие графитовой промышленности УзССР; перспектив развития промышленности Ангрен-Алмалыкского промышленного района и т. д.

По заданию Совета Министров УзССР разработаны мероприятия по рациональному использованию трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Узбекистана. Определены также оптимальные размеры пригородных овощеводческих хозяйств. По результатам научных исследований Институтом экономики подготовлено и передано заинтересованным организациям свыше 10 докладных записок, в частности о состоянии и путях развития базы для ремонта сельскохозяйственных и землеройных машин в УзССР, по развитию и специализации литейного и кузнечно-прессового производства в Среднеазиатском экономическом районе и др.

Отрадно отметить, что вытекавшие из этих работ практические рекомендации Института рассматривались и обсуждались планирующими и хозяйственными учреждениями и организациями, и по ним были приняты практические решения.

Институт экономики в 1962 г. подготовил к изданию монографию «Экономика машиностроительной промышленности Узбекистана», учебное пособие для сети партийного просвещения «Основы экономики промышленности Узбекистана», книгу по истории народного хозяйства Советского Узбекистана и т. д.

В новом году Институт сосредоточивает свое внимание на таких темах, как совершенствование балансовых методов планирования, обеспечивающих оптимальные темпы и пропорции в развитии народного хозяйства Узбекистана; совершенствование концентрации, специализации и кооперирования в машиностроении Средней Азии; экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве Узбекистана; рациональное размещение производительных сил и экономическое районирование республики; применение математических методов в экономических исследованиях и т. п.

Институт истории и археологии АН УзССР издал в 1962 г. составленную коллективом молодых ученых «Хронику событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане (февраль — ноябрь 1917 г.)», первый и третий тома документального сборника «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане». Вышли в свет работы Х. Ш. Иноятова «Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана», А. Х. Бабаходжаева «Провал английской политики в Средней Азии и на Ближнем Востоке в 1918—1924 гг.», М. Гулямовой «Из истории формирования узбекской советской интеллигенции».

Изданы историко-этнографическое исследование О. А. Сухаревой «Позднефеодальный город Бухара», историографические работы Х. Зияе-

ва «Средняя Азия и Сибирь. XVI—XIX века» и Б. В. Лунина «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность». Готовится к печати второй том сборника «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане». Подготовлено к печати также несколько больших работ по истории советского общества: Р. Х. Аминовой «Аграрная политика Советской власти в Узбекистане», коллективный труд по истории гражданской войны в Узбекистане (т. I) и др.

В июне 1962 г. успешно прошло широкое общественное обсуждение II тома «Истории Узбекской ССР» (советский период) и начата подготовка к новому, дополненному и переработанному изданию этого капитального труда.

Ведется работа над подготовкой к печати монографии «Рабочий класс Узбекистана (1945—1961 гг.)», очерков по истории социалистического Ташкента, сборника «История Узбекистана в освещении зарубежной историографии», историко-этнографической монографии «Узбеки», исследования Я. Г. Гулямова по истории орошения Узбекистана. Сдан в печать обширный труд В. А. Шишкина «Варахша» и др.

По Институту философии и права в 1962 г. были изданы под редакцией И. М. Муминова учебные пособия для вузов республики «Тарихий материализм масалалари» («Вопросы исторического материализма»), «Илмий атеизм асослари» («Основы научного атеизма»), документальный сборник «Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане». Подготовлен к печати второй том «Истории Советского государства и права Узбекской ССР».

Готовятся к печати сборник статей «Некоторые вопросы коммунистического строительства» (по материалам Узбекистана), первый том очерков по истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане, «Краткий философский словарь», учебное вузовское пособие «Основы марксистской этики» на узбекском языке и другие работы.

По Институту языка и литературы в 1962 г. было издано 16 книг, в том числе работы С. Касимова «Партия и литература», С. Мамаджанова «Коммунизм и литература», С. Мирзалиева «Поэзия жизни и борьбы», Ш. Шаабдурахманова «Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры», Н. Рахимова «Из истории узбекской советской сатиры», а также «Дивани лугат-ат-турк» Махмуда Кашгарского и т. д.

Сданы в издательство второй том «Очерков узбекской советской литературы», «Очерки узбекской кинодраматургии», сборник «Вопросы тюркологии», работы С. Мамаджанова «Поэт и современность», Э. Ибрагимова «Увайси», С. Ибрагимова «Фонетика андижанского говора», Р. Маджиди «Лирика Агахи» и др.

Институт продолжал также работу над созданием истории узбекской советской литературы, научной грамматики узбекского языка, толкового словаря узбекского языка, над составлением двуязычных терминологических словарей, по углубленному изучению памятников письменной узбекской литературы и составлению их научных каталогов.

По Институту востоковедения в прошлом году были изданы подготовленная к печати А. К. Арэндсом рукопись «Тарих-и Мас'уди» («История Масуда») Абу-л-Фазла Бейхаки и подготовленная Л. М. Елифановой рукопись «Тарих-и салатини мангитийа» («История мангытской династии») Мирзы Абд ал-Азима Саами.

Подготовлены к печати сборник «СССР и слаборазвитые страны Востока», освещающий современное политико-экономическое положение

ние Ирана, Афганистана, Индии и Пакистана и бескорыстную помощь, которую оказывает Советский Союз в развитии их национальной экономики и культуры; четыре брошюры по серии «XXII съезд КПСС и вопросы национально-освободительного движения народов Востока» («Эра освобождения угнетенных народов Востока», «О путях развития политически независимых государств Востока», «Новые формы колониальной политики империалистических держав на Востоке», «Национально-освободительная борьба народов Востока»); монографии Д. Мухамедовой «Из истории индийской иммиграции в Южную Африку», М. Г. Пикулина «Аграрный вопрос в современном Афганистане», М. М. Кутиной «Из истории партии Индийский национальный конгресс», коллектива ученых «Взаимоотношения Средней Азии с Ираном, Афганистаном и Синьцзяном в XIX—начале XX в.», С. И. Тансыкбаевой «Крестьянское движение в Пакистане», А. Ирисова «Повесть Абу Али ибн Сины «Саломон ва Ибсол», Р. Л. Гафуровой «Китаб-и Мулла-заде» Ахмада ибн Махмуда», Б. А. Ахмедова «Образование узбекского феодального государства» и др.

По Институту искусствознания в 1962 г. вышли в свет «Искусство зодчих Узбекистана» (под ред. Г. А. Пугаченковой), сборник «Резьба и роспись по дереву и ганчу», книги Ф. Кароматова «Узбекская домбровая музыка», А. Жадова «Живопись Узбекистана на современном этапе», Я. Фельдмана «Характер народа и сценические образы», Т. Вызго и А. Петросянц «Узбекский оркестр народных инструментов».

Сданы в печать первая часть «Истории искусств Узбекистана» (авторы Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель). Одновременно продолжалась работа над вторыми томами «Истории искусств Узбекистана» (со второй половины XIX в. до наших дней), «Узбекского советского театра» (1930—1941 гг.); начата работа над первым томом «Истории узбекской советской музыки» (1919—1941 гг.).

В истекшем году успешно осуществлялись также археологические, искусствоведческие, фольклорные, лингвистические и другие экспедиции, ознаменовавшиеся сбором и изучением новых ценных материалов по истории и культуре народов Узбекистана.

В 1962 г. успешно был проведен ряд научных сессий и конференций. Ученые институтов Отделения общественных наук АН УзССР участвовали также в ряде научных сессий и конференций ученых Москвы, Ленинграда и братских союзных республик. В октябре 1962 г. делегаты Отделения приняли участие в работе сессии Общего собрания АН СССР, посвященной задачам развития общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма.

Успешно осуществлялась и подготовка научных кадров, в том числе высшей квалификации. Из числа научных сотрудников институтов Отделения общественных наук в 1962 г. 30 человек защитили кандидатские диссертации. Кроме того, на объединенном ученом Совете Отделения и по институтам состоялась защита 3 докторских и 27 кандидатских диссертаций ученых, работающих вне системы АН УзССР.

Таким образом, в истекшем году по Отделению общественных наук АН УзССР была выполнена большая полезная работа.

В новом, 1963 году институтам Отделения предстоит решить немало ответственных задач с тем, чтобы поднять свою работу на более высокий уровень, отвечающий духу и требованиям нашей великой эпохи.

Надо помнить, что главное требование, которое предъявляет сейчас партия к деятелям общественных наук, состоит в том, чтобы

в первую очередь исследовать вопросы, выдвигаемые практикой строительства коммунизма, современной международной жизнью. Самая актуальная проблема общественных наук в современных условиях — исследование новых теоретических вопросов развития коммунизма.

Работникам общественных наук надо решительно изживать остатки старой болезни — отрыва от жизни, от практики, — усиливать и ускорять исследования по самым актуальным проблемам зарождения и созревания новых форм общественной жизни в период развернутого строительства коммунизма.

Объединенными усилиями философов, историков, экономистов надо шире и глубже изучать на примере Узбекистана вопрос о решающей роли народных масс в социальном прогрессе.

Ученым Института истории и археологии следует форсировать подготовку к 50-летию Октябрьской революции нового, переработанного и дополненного издания II тома «Истории Узбекской ССР» с тем, чтобы создать капитальный труд по истории советского общества Узбекистана, свободный от допускаявшихся в период культа личности Сталина неправильных, противоречащих исторической правде толкований фактов и документов. На примере одной из союзных республик этот коллективный труд историков должен дать глубокий анализ и освещение славной эпохи строительства коммунизма в ранее отсталой стране.

Надо смелее осуществлять поворот работников Института к изучению отдельных проблем истории коммунистического строительства. Это тем более важно отметить, что нельзя не видеть замедленных темпов подготовки к изданию некоторых актуальных работ. Так, задерживается завершение работы по теме «Рабочий класс Узбекистана (1945—1961 гг.)», которая должна быть закончена в ближайшее время.

Продолжает оставаться в долгу перед партией и народом коллектив ученых Института экономики. Конечно, нельзя отрицать определенной ценности и практической значимости некоторых выполненных и выполняемых Институтом исследований и несколько возросшей связью его с жизнью и производством. Однако совершенно очевидно, что предстоит еще сделать очень многое для того, чтобы поднять теоретический уровень экономических исследований, повысить их практическую результативность, сблизить наших ученых-экономистов с представителями естественно-математических наук для совместной разработки важных технико-экономических проблем современности.

Ключ к повороту экономической науки к практике состоит в том, чтобы полностью учесть глубокое указание Н. С. Хрущева о том, что научные экономические и технические разработки должны предшествовать принятию государственных решений, что ученые призваны не просто комментировать принятые постановления с экономической точки зрения, а глубоко исследовать экономические явления и процессы. Надо вырабатывать конкретные экономические рекомендации, обобщать новые явления в экономической жизни общества, разрабатывать такие народнохозяйственные проблемы, решение которых способствует успешному строительству коммунизма.

Для дальнейшего подъема и конкретизации экономических исследований в республике огромное значение имеют материалы и решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1962 г. и декабря Пленума ЦК КПУз, а также итоги развернувшейся на страницах «Правды» дискуссии по вопросам совершенствования планирования и хозяйственного руководства.

Работникам Институтов философии и права, истории и археологии, как и других гуманитарных институтов, надо шире развертывать борьбу против буржуазной идеологии, смелее разоблачать ее идейное банкротство и реакционную антинародную сущность. Основной огонь должен быть направлен здесь против главного идейно-политического оружия империализма — антикоммунизма. Следует еще более усилить разоблачение буржуазных фальсификаторов прошлого и настоящего узбекского и других народов Средней Азии, и в то же время шире освещать то положительное, что есть в трудах и высказываниях наших друзей, прогрессивных деятелей науки и культуры зарубежных стран, пытающихся правильно осмыслить и популяризировать историю и опыт коммунистического строительства в Средней Азии.

Надо всемерно усиливать исследование живой диалектики становления коммунистического общества, разработку проблем общественной психологии, этики и эстетики. В этой области исключительно велики задачи и работников Института искусствознания, призванных помогать своими исследованиями развитию передового советского искусства.

В исследовательской работе наших ученых-юристов на первом месте должны быть правовые вопросы дальнейшего совершенствования государственного управления и руководства народным хозяйством, проблемы перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление, превращения норм права в нормы коммунистической морали.

Языковедам республики предстоит создать глубокие исследования по закономерностям взаимодействия современных языков, перспективам их дальнейшего развития, смелее переключаться на изучение, применительно к Узбекистану, таких проблем, как язык и общество, язык и мышление, национальные и литературные стили и диалекты, развитие и взаимообогащение национальных культур и языков в условиях советской действительности и т. д.

От наших востоковедов мы вправе ждать более решительного и смелого поворота к исследованию современной жизни народов зарубежного Востока, в первую очередь сопредельных с Узбекистаном стран. Труды востоковедов республики должны служить великой благородной цели — помогать народам Востока в их трудной борьбе за свободу и независимость.

По-прежнему остро стоит вопрос о подготовке научных кадров высокой квалификации — докторов и кандидатов наук, особенно по дефицитным специальностям. Нельзя ослаблять наши усилия в деле подготовки высококвалифицированных научных кадров. Вместе с тем следует предъявлять больше требовательности к научным кадрам, помогать им преодолевать остатки догматического, талмудистского отношения к теории, порожденного в прошлом обстановкой культа личности Сталина; надо смелее избавляться от людей, не способных к творческой научной работе.

В свете решений ноябрьского Пленума ЦК КПСС еще большее значение приобретают вопросы координации деятельности академий наук СССР и союзных республик, в том числе их гуманитарных институтов, что особенно важно в связи с неуклонным ростом экономических и культурных связей братских народов Средней Азии. Несомненно, что ряд важных научных проблем может и должен разрабатываться совместными усилиями ученых всех среднеазиатских республик.

Замечательной традицией советской науки является живое участие ее деятелей в просвещении народа, в формировании у трудящихся правильного, материалистического мировоззрения, передовой, коммунистической морали.

Можно с удовлетворением констатировать, что 1962 год прошел под знаком дальнейшего усиления научно-идеологической, пропагандистской работы наших ученых в массах. Так, в истекшем году силами ученых для трудящихся республики было прочитано: по Институту истории и археологии — около 500 лекций и докладов, по Институту экономики — свыше 200, по Институту философии и права — около 100 и т. д. Ряд ученых наших институтов активно участвует в организации и руководстве работой народных университетов в городах и селах Узбекистана. Но и здесь, разумеется, предстоит еще сделать значительно больше. Надо добиться того, чтобы ни один ученый не стоял в стороне от участия в почетном деле научного и политического просвещения масс.

Итак, перед работниками гуманитарных институтов АН УзССР, как и перед всеми деятелями общественных наук республики, открыто поистине безграничное поле творческой деятельности.

Высшее призвание общественных наук состоит в том, чтобы всемерно содействовать партии и народу в успешном решении великой задачи утверждения на земле самого справедливого строя — коммунизма. Об этом говорилось на состоявшемся 18—21 декабря 1962 г. Всесоюзном совещании, посвященном подготовке научно-педагогических кадров в области истории.

Академик Б. Н. Пономарев, выступивший на совещании с большим и содержательным докладом на тему «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории», подробно охарактеризовал коренные задачи исторической науки в наши дни. Главное состоит в том, чтобы поднять историческую науку на уровень задач строительства коммунизма, улучшить подготовку научно-педагогических кадров, преподавание истории в высшей и средней школе. Вместе с другими гуманитарными науками историческая наука призвана сыграть огромную роль в формировании коммунистических общественных отношений и воспитании нового человека.

Наша страна вступила в пятый год семилетки. «Советский народ, — говорил на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, — хорошо потрудились в первые четыре года. Мы должны еще лучше трудиться, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить задания семилетнего плана и тем самым уже в начале осуществления великого перспективного плана коммунистического строительства в нашей стране заложить прочную основу для новых и новых побед»².

Вместе со всем советским народом ученые институтов Отделения общественных наук АН УзССР готовы отдать свои силы и знания претворению в жизнь провозглашенной ленинской партией великой программы строительства коммунизма.

² «Правда», 20 ноября 1962 г.

А. МУЗАФАРОВ

**ТРУД КАК СРЕДСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ**

В деятельности Коммунистической партии по воспитанию нового человека — активного строителя и члена коммунистического общества — исключительно важная роль принадлежит советской школе. В. И. Ленин говорил, что «наша школа должна давать молодежи основы знания, умение вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей»¹.

Эти ленинские указания определили новое содержание советской школы, которая за 45 лет своего существования проделала под руководством Коммунистической партии колоссальную работу по обучению и воспитанию нескольких поколений советской молодежи.

Великая Октябрьская социалистическая революция, ликвидировавшая социальные корни темноты и невежества трудящихся масс, в корне изменила роль и значение школы в нашей стране. В Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 г., была поставлена задача — довести до конца начатое с победой Октября превращение школы из орудия классового господства буржуазии и помещиков в орудие коммунистического преобразования общества.

Основные принципы школьного строительства в нашей стране определил В. И. Ленин, выдвигавший на первое место идею связи школы с жизнью. Школа, подчеркивал он, не может стоять в стороне от жизни, воспитание и образование не могут быть независимыми от общества.

«Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, — учил В. И. Ленин, — мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества»².

Эта высокая оценка роли образования и воспитания молодежи в перестройке общества объясняется тем, что именно в молодые годы закладываются основы знаний, нравственных качеств и привычек, которые необходимы строителю и члену нового, социалистического общества.

Еще в ранних своих работах В. И. Ленин проводил мысль о том, что нельзя представить себе идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения. Будучи оторванными друг от друга, ни обучение и образование, ни производительный труд не могут полностью отвечать тем высоким требова-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 270

² Там же, стр. 259.

ниям, которые предъявляют к ним современная техника и наука, сама жизнь.

Ленинская мысль о соединении обучения с производительным трудом была положена в основу строительства новой, советской школы. По его предложению в Программу партии, принятую VIII съездом РКП(б), было внесено требование последовательного осуществления «принципов единой трудовой школы..., проводящей тесную связь обучения с общественно производительным трудом, подготовляющей все-сторонне развитых членов коммунистического общества»³.

Огромные заслуги советской народной школы в обучении и воспитании молодых строителей новой жизни общеизвестны. Ее питомцы возводили первые гиганты советской индустрии, сооружали Днепро-ГЭС, строили город молодости — Комсомольск на Амуре, прокладывали Турксиб, овладевали сложной техникой и агротехникой сельского хозяйства.

Однако в организации учебно-воспитательного процесса были допущены недостатки, вызванные известным отрывом школы от жизни, ослаблением внимания к трудовому воспитанию, к подготовке молодежи для участия в общественно полезном труде.

Партия решительно вскрыла эти недостатки и указала конкретные пути их устранения. Известная Записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС и Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР легли в основу всенародно обсуждавшегося Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

Характеризуя основные принципы советской школы и ее задачи, Н. С. Хрущев говорил на Всероссийском съезде учителей в 1960 г.: «Главное в перестройке школы — это соединение обучения с общественно полезным производительным трудом и усиление воспитательной работы школы. Борьба за победу коммунизма требует всестороннего, гармонического развития советского человека. А это значит не только овладеть всей суммой научных знаний о природе, технике, обществе, но и научиться практически использовать эти знания для непосредственного трудового участия в коммунистическом строительстве»⁴.

Труд для коллектива, в интересах советского общества должен стать уже со школьных лет главной жизненной потребностью каждого советского человека. Наша школа обязана всемерно вовлекать детей в общественно полезную деятельность, умело соединяя ее с обучением и воспитанием учащихся.

Трудовое обучение важно не только потому, что учащиеся получают необходимую подготовку к трудовой деятельности, — оно способствует также формированию правильного отношения к общественному долгу, непримиримости к таким пережиткам прошлого, как тунеядство, безделье, паразитизм.

Вот почему самое серьезное внимание должно быть обращено на идейно-политическое воспитание учащихся в процессе труда, на выработку у них таких норм поведения, которые отвечают высоким принципам морального кодекса строителя коммунизма.

Сейчас в нашей школе действует определенная система трудового воспитания. Она включает в себя уроки труда в I—VIII классах, в

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1954, стр. 419—420.

⁴ Н. С. Хрущев, За прочный мир во имя счастья и светлого будущего народов, М., Госполитиздат, 1960, стр. 26.

процессе которых осуществляется трудовое и политехническое обучение; бытовой и общественно полезный труд учащихся в школе и вне ее; внеклассное техническое творчество школьников.

В старших классах учащиеся занимаются производительным трудом в школьных мастерских, на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Это обеспечивает постоянное вовлечение учащейся молодежи в различные виды труда, органически связанного с обучением.

Введение производственного обучения внесло много нового в процесс воспитательной работы в школе. Труд стал важным фактором воспитания, формирования коммунистического мировоззрения учащихся. Он дисциплинирует их, приучает к собранности, вырабатывает умение ценить время, развивает настойчивость, инициативу, самостоятельность, чувство долга и ответственности за порученное дело.

В нашей республике в IX—XI классах школ с производственным обучением насчитывается свыше ста тысяч юношей и девушек, овладевающих основами промышленного и сельскохозяйственного производства, строительства и т. д.

Современный труд на сложных машинах способствует мобилизации интеллектуальных способностей человека, развитию его творческих сил. Обучая молодежь умению обращаться с различными машинами, механизмами, школа вместе с тем прививает ей уважение к труду, вырабатывает в учащихся привычку и потребность трудиться. Приведем характерный пример. Ученики старших классов ташкентской школы № 144 в течение трех лет овладевали техникой обработки металла и строительным делом. Вместе с аттестатом зрелости они получили квалификационные удостоверения и комсомольские путевки на целину. Высокая сознательность, правильное понимание своего долга перед народом, перед обществом и государством побудили их избрать местом своей трудовой деятельности вновь осваиваемые районы Голодной степи. Выпускники школы отдавали себе отчет в том, что, отправляясь в Голодную степь, они должны быть готовы к преодолению трудностей, к большому испытанию силы воли, но ничто не остановило их.

Так производственное обучение в школе способствовало формированию характера, рождению благородного порыва.

В сельских школах республики самой распространенной формой подготовки старшеклассников к труду являются ученические бригады. Н. С. Хрущев дал высокую оценку ученическим бригадам, назвав их школой воспитания активных строителей коммунизма.

В республике хорошо известна ученическая производственная бригада школы № 1 Учкурганского района Андижанской области. О том, как учатся и трудятся члены этой бригады, рассказала школьница-комсомолка Дильбар Юсупова на проходившем в ноябре 1961 г. в Ташкенте зональном совещании по вопросам сельского хозяйства.

«Мы вступаем в жизнь не белоручками.... — говорила Дильбар, — мы хотим стать такими же механизаторами, как Турсуной Ахунова. Мы, вступившие в жизнь на заре строительства коммунизма, готовы отдать все свои силы, знания, жар юных сердец претворению в жизнь исторической Программы партии».

Уже в школе, на участке своей бригады, ученики познали радость вдохновенного труда. Они научились управлять тракторами, выращивать семенной хлопчатник. Благодаря строгому соблюдению правил агротехники бригада вырастила 40-центнеровый урожай хлопка.

О своем трудовом успехе юные земледельцы рапортовали XXII съезду КПСС.

Работа в ученической бригаде, на пришкольном учебно-опытном участке пробуждает у школьников профессиональный интерес к работе в хлопководстве. Их, горячих энтузиастов сельскохозяйственного производства, Н. С. Хрущев в своей речи на зональном совещании в Ташкенте назвал достойной сменой мастеров колхозных и совхозных полей.

Коллективное участие в труде дисциплинирует школьников, сплачивает их, способствует развитию чувства взаимной ответственности. Примечателен такой случай. Ученик 10-го класса школы № 27 Калининского района Рихсыбай У. нередко нарушал дисциплину, опаздывал на уроки, учился без особого интереса. Но вот ему предоставили возможность изучать трактор. Это очень увлекло юношу, он оказался способным механизатором, и, когда школьной ученической бригаде отвели 22-гектарный участок, Рихсыбай сам произвел его вспашку. Кроме того, школьный тракторист подготовил в колхозе десятки гектаров земли под овощи и виноградник. Так в производственной бригаде, в общественно полезном труде ученик, который считался нерадивым, распрямил плечи. Уважение к дисциплине, сложившееся за рулем трактора, сказалось и на поведении Рихсыбая в классе; он стал более прилежно относиться к учебе.

Труд в ученической бригаде — это один из ведущих стимулов повышения активности, развития инициативы и самостоятельности учащихся. Принимая на себя определенные обязательства, члены бригады стремятся сдержать свое слово, оправдать доверие; при этом они обращаются к опыту мастеров полей и сами настойчиво ищут, экспериментируют, проверяют. Их знания становятся глубже, трудовые навыки — разностороннее, осмысленнее, а вместе с тем развивается и чувство ответственности.

«Хороший механизатор — это не только работник, в совершенстве овладевший машиной. Это — человек, понимающий свой долг перед коллективом и стремящийся поднять общий уровень работы. Таких людей и должна воспитывать наша школа». Это высказывание принадлежит знатным механизаторам республики Гурсунной Ахуновой и Валентину Тюпко. Именно так следует понимать смысл производственного обучения: приобретение профессии неотделимо от воспитания характера, от формирования коммунистического отношения к труду.

Примером хорошей организации трудового воспитания может служить ученическая бригада, созданная при школе № 2 совхоза «Дальверзин» Беговатского района (директор школы К. Абдувахидов).

При активной помощи партийной организации и общественности совхоза учащиеся, опираясь на знания основ наук, овладевают навыками возделывания хлопчатника, вождением сельскохозяйственных машин и тракторов.

В результате упорного труда членов бригады и применения знаний, полученных ими в школе, средняя урожайность хлопчатника в бригаде оказалась выше, чем в совхозе. В 1961 г. с площади в 30 га было собрано по 28,5 ц/га хлопка-сырца.

Совхоз обеспечивает ученическую бригаду всеми необходимыми сельскохозяйственными машинами и инвентарем. К ней прикреплен главный агроном совхоза, являющийся членом совета бригады.

Бывшие члены ученической бригады — выпускники этой школы — успешно работают полеводцами и механизаторами в совхозе. Многие

из них по направлению совхоза и рекомендации школы учатся в высших учебных заведениях.

Следует подчеркнуть, что привлекая молодежь с определенного возраста к труду в области материального производства, нельзя ослаблять внимания к повышению уровня ее общеобразовательной подготовки. Вооружение учащихся знаниями основ наук было и остается важнейшей задачей советской школы. Твердые теоретические знания необходимы активному строителю коммунистического общества, ибо высокие показатели в труде достигаются лишь тогда, когда человек работает не только руками, но и головой.

Необходимо всемерно развивать у школьников навыки умственного труда, добиваться, чтобы они интенсивно мыслили на протяжении всего урока, умели делать самостоятельные обобщения и выводы из фактического материала, опытов и наблюдений. Это способствует воспитанию тружеников нового типа, у которых физический и умственный труд будут слиты в одно целое.

Духовный облик члена социалистического общества определяется прежде всего его отношением к труду. Принимает человек участие в общественно полезном труде или нет, насколько плодотворна и инициативна его трудовая деятельность, что он видит в ней: только ли средство для удовлетворения своих потребностей и достижения собственного благополучия или общественно значимое содержание, главный смысл своей жизни, источник радости и наслаждения — от этого зависят все остальные нравственные качества человека.

Советская молодежь в подавляющем своем большинстве относится к труду как к своему гражданскому долгу, как к главной жизненной потребности, и в сфере общественно полезного труда проявляет свою энергию, свои способности, беззаветную преданность делу партии и народа. Но есть еще отдельные юноши и девушки, которые смотрят на труд, особенно физический, как на обузу, неприятную сторону жизни.

Дурные привычки и наклонности могут появляться еще в детском возрасте под влиянием ненормальной обстановки в семье, если общественные организации и производственные коллективы не интересуются жизнью и бытом своих работников. Эти и некоторые другие отрицательные факторы в ряде случаев оказывают преобладающее воздействие на моральный облик молодого человека.

Социалистические производственные отношения играют решающую роль в выработке важнейшего качества человека нового общества — коллективизма, товарищеской взаимопомощи, — сущность которого выражена в моральном кодексе строителя коммунизма: «Каждый за всех, все за одного». Когда молодой человек попадает на производство, ощущает внимание и помощь своих старших товарищей, видит, как трудятся и живут члены бригад коммунистического труда, как опыт передовых рабочих и колхозников становится общим достоянием, осознает, что его личный труд является неотъемлемой частью общего труда, у него неизбежно развивается чувство солидарности, коллективизма.

В труде на благо социалистической Отчизны вырабатывается подлинный патриотизм нового типа. Социалистическая Родина становится особенно близкой и дорогой тому, кто своим личным трудом содействует ее возвышению и расцвету. Только трудовые дела и ратные подвиги во имя социалистической Родины могут породить могучее чувство патриотизма.

Человек, укрепляющий своим самоотверженным трудом могущество любимой Родины, способен быстро и глубоко усвоить идеи социалистического интернационализма, ибо труд во имя расцвета Советской Отчизны увеличивает мощь всего социалистического лагеря, упрочивает дело мира, создает благоприятные условия для победоносного исхода борьбы трудящихся капиталистических стран и национально-освободительного движения народов.

Активное участие в общественно полезном труде способствует тому, что у человека вырабатываются привычки соблюдать элементарные правила человеческого общежития: правильно вести себя в обществе, семье, быть аккуратным, опрятным и т. д. Следует отметить, что с введением самообслуживания в школах учащиеся стали бережливее относиться к общественному имуществу; теперь они сами ремонтируют школьный инвентарь и учебные пособия.

Активное участие в общественно полезном коллективном труде создает благоприятные условия для усвоения социалистической идеологии, великих идей марксизма-ленинизма, высоких принципов коммунистической нравственности и превращения ее в регулятор поведения людей.

Чем больше пользы обществу приносят школьники своим трудом, чем полнее раскрывается перед ними труд как источник всех материальных ценностей, тем сильнее он увлекает и радует учащихся.

Так, бригада учащихся 11-летней школы колхоза «Политотдел» Верхнечирчикского района Ташкентской области сложилась в дружный коллектив, умеющий бороться за высокие урожаи. Ребята доказали, что кукуруза может дать обильные плоды, если выращивать ее с любовью. Колхозники с уважением говорят о членах этой ученической бригады. Работая рука об руку с мастерами полей, юная смена проникается любовью к земле, стремится подражать прославленным героям труда.

Труд является основой коммунистической нравственности не только потому, что именно в процессе общественно полезного труда складывается и развивается моральный облик нового человека, но и потому, что важнейшие черты коммунистической нравственности не могут проявиться иначе, как через трудовую деятельность.

Трудолюбие и коллективизм, социалистический патриотизм и интернационализм всегда выражаются в конкретных трудовых делах.

Вот почему в Программе КПСС подчеркивается, что развитие коммунистического отношения к труду у всех членов общества партия ставит в центр всей воспитательной работы⁵.

Выступая на зональном совещании работников сельского хозяйства в Ташкенте (ноябрь 1961 г.), Н. С. Хрущев говорил: «У нас молодежь хорошая, образованная. Если она овладеет практическим опытом, приобретет профессиональные знания, то это будет наша достойная смена в руководстве хозяйством, в строительстве коммунизма».

Работая вместе с рабочими и крестьянами, наши школьники познают могучую преобразующую силу коллективного труда, красоту и величие советского человека, строящего коммунизм.

⁵ См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1961, стр. 118.

А. Музаффаров

**МЕХНАТ — УЎҚУВЧИ ЁШЛАРНИ КОММУНИСТИК РУҲДА ТАРБИЯЛАШ
ВОСИТАСИ**

Мақолада ўқувчи ёшларга меҳнат тарбияси беришнинг аҳамияти жуда улкан эканлиги ҳақида гапирилади ва «Мактабнинг турмуш билан алоқасини мустаҳкамлаш ва СССР да халқ маорифи системасини янада тараққий эттириш ҳақидаги қонун»га биноан, Ўзбекистон ўрта мактабларида ишлаб чиқариш таълимини жорий этишнинг баъзи асосий натижалари баён қилинади.

Ф. Ф. КРАВЕЦ

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО УЗБЕКИСТАНА

В Программе КПСС, принятой историческим XXII съездом партии, определены коренные задачи создания материально-технической базы коммунизма в нашей стране на основе бурного, всестороннего роста производительных сил. В решении этих задач должен участвовать каждый экономический район, рационально используя все имеющиеся в нем ресурсы — природные, трудовые и материальные.

В этой связи следует отметить все возрастающую роль работ по составлению схем районной планировки, которые определяют правильное использование имеющихся ресурсов и размещение производительных сил в экономических районах.

Основной задачей составления схем районной планировки является решение конкретных вопросов взаимного размещения на определенной территории промышленных предприятий, городов и городских поселков, а также инженерных сооружений.

Цель районной планировки — достичь такого рационального размещения производительных сил, которое обеспечило бы высокую экономическую эффективность общественного труда, высокий уровень благоустройства и полноценное культурно-бытовое обслуживание населения.

В нашей республике этими вопросами занимается Институт «Узгоспроект», который уже разработал схему планировки Ташкентского промышленного района и должен выполнить аналогичную работу по остальным районам Узбекистана.

Как показывает практика, для качественного решения схемы районной планировки важное значение имеет наличие научно обоснованных материалов по перспективам развития данного экономического района, определяющих масштабы промышленного и сельскохозяйственного производства, транспортных перевозок, развития сети обслуживания и т. п.

Одним из обязательных элементов при этом должно быть определение целесообразных путей расселения, а также развития населенных пунктов, главным образом городов, как основных центров сосредоточения промышленности и населения. Условия социалистического способа производства позволяют делать прогнозы развития городов в увязке с развитием всего народного хозяйства, что имеет первостепенное значение.

Наличие таких материалов во многом облегчает правильную организацию территориального размещения производительных сил, рациональное использование трудовых ресурсов.

Большое социально-экономическое значение, особенно в период развернутого строительства коммунизма, имеет научная разработка

перспектив развития городов — как больших, так и, особенно, средних и малых.

Проблема малых городов за последнее время все больше привлекает внимание градостроителей, архитекторов, проектировщиков, экономистов, географов и др. Об этом говорилось на Всесоюзном совещании по градостроительству (июнь 1960 г.), на Всесоюзном съезде архитекторов (май 1961 г.), на страницах журналов и газет.

В январе-феврале 1962 г. в Москве состоялось Межведомственное научное совещание, в котором приняли участие специалисты различных отраслей. В резолюции совещания, в частности, подчеркивается необходимость изучения проблем ограничения роста крупнейших и развития небольших и средних городов¹.

В Программе КПСС указывается, что развернутое строительство коммунизма требует все более рационального размещения промышленности, что, в частности, позволит устранить скученность населения в крупных городах и решить проблему развития малых городов. В Программе прямо подчеркивается, что «все большее развитие получают небольшие и средние благоустроенные города»².

Такое внимание к этому вопросу не случайно, ибо малые и средние города, т. е. города с численностью населения до 50 тыс. человек, составляют в Советском Союзе большой удельный вес.

По данным переписи населения на 15 января 1959 г., в СССР имелось 1679 городов, из них 1375 (почти 82%) имели население до 50 тыс. человек. При этом городов с населением до 20 тыс. человек было 931, или свыше 55% общего числа городов³.

В Узбекистане тоже преобладают малые и средние города; из 33 городов республики 23 (70%) имеют население до 50 тыс. человек. Следовательно, и для УзССР дальнейшее развитие малых городов также имеет важное значение.

В этой связи заслуживают внимания перспективы развития городов одного из крупных экономических районов республики — Юго-Западного Узбекистана.

Но прежде чем перейти непосредственно к этим вопросам, необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике района и его роли в народном хозяйстве республики.

Данный район, в состав которого входит три административные области (Самаркандская, Бухарская и Сурхандарьинская), занимает почти 50% территории УзССР и в нем проживает 2652,4 тыс. человек, или 35,7% населения республики.

Из 2225,6 тыс. га полевых земель УзССР 770,7 тыс. га (34,6%) находится в Юго-Западном Узбекистане. Здесь сосредоточено свыше 35% посевов хлопчатника, 41% площадей садов и виноградников и т. д.

Доля района в республиканском производстве основных видов сельскохозяйственной и промышленной продукции в 1960 г. составляла: коконы — 32%, хлопок-сырец — 33, хлопок-волокно — 34, растительное масло — 28, фасованный чай — 100, киноаппаратура — 100, шелковые ткани — 24, верхние кожевенные товары — 70, швейные изделия — 20, консервы — 35, вино виноградное — 32%.

¹ «Вестник Московского университета», сер. V, География, № 3, М., 1962, стр. 72.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 94—95.

³ Статистический сборник «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», М., Гостатиздат, 1961, стр. 51.

Из этих цифр видно, что Юго-Западный Узбекистан является важным экономическим районом республики.

Большую роль в развитии производительных сил района играют города — центры экономической, административно-хозяйственной и культурной жизни.

Ныне в Юго-Западном Узбекистане имеется 10 городов: Самарканд, Бухара, Каттакурбан, Термез, Карши, Джизак, Денау, Шахрисябз, Каган, Навои. Они являются центрами концентрации промышленного производства юго-запада, что видно из следующих данных. Удельный вес городов в 1960 г. составлял: в стоимости валовой продукции — 66%, в численности промышленно-производственного персонала — свыше 50%, в стоимости основных промышленно-производственных средств — более 48%. Именно в этих городах производится подавляющая часть важнейших видов промышленной продукции района, значительная доля которой вывозится в республики Среднеазиатского экономического района, в Европейскую часть СССР, Сибирь и на Дальний Восток. Это, главным образом, киноаппаратура, шелковые ткани, хлопковое волокно, растительное масло, виноградное вино, чай, фруктовые и овощные консервы и т. д.

Все это говорит о наличии широких транспортно-экономических связей и развитии в городах Юго-Западного Узбекистана различных отраслей промышленного производства.

Вместе с тем следует отметить резкую неравномерность в уровне промышленного развития городов юго-запада.

Самыми крупными из них по численности населения, концентрации рабочих, объему выпускаемой промышленной продукции и экономическим связям являются Самарканд и Бухара. На долю этих двух городов приходится 65% стоимости валовой продукции, 75% — численности промышленно-производственного персонала и 66% стоимости основных производственных фондов, имеющихся в 10 городах района. А на долю 8 малых городов приходится лишь небольшая часть промышленного производства городов этого района.

Показательна, с точки зрения уровня развития, и отраслевая структура промышленности малых городов Юго-Западного Узбекистана (табл. 1).

Таблица 1

Город	Удельный вес отраслей, %			
	тяжелой	легкой	пищевой	прочих
Карши	2,8	47,7	49,5	0,6
Термез	11,0	64,7	22,9	1,4
Каттакурбан	2,3	43,2	54,4	0,1
Джизак	8,1	84,4	6,3	0,2
Каган	2,2	50,8	46,8	0,2
Денау	3,1	78,2	18,7	—
Шахрисябз	1,6	77,8	20,5	0,1
Навои	—	99,1	0,4	0,5

Из данных табл. 1 видно, что отрасли тяжелой промышленности в указанных городах имеют низкий удельный вес. Исключение составляют Термез и Джизак (за счет производства строительных материалов).

Для всех городов, кроме Карши и Каттакурбана, характерно преобладание легкой промышленности, главным образом хлопкоочистительной.

Такая узкая специализация связана как с направлением сельского хозяйства окружающей территории, так и с общим низким уровнем промышленного развития городов данного района.

Уровень промышленности и других градообразующих отраслей (строительства, внешнего транспорта и т. д.) обусловил размеры обслуживаемых отраслей — жилищно-коммунального хозяйства, сети детских, школьных и других социально-культурных учреждений. В конечном счете, все это определило и численность населения этих городов.

Численность населения является одним из основных экономических показателей величины города. Для юго-запада Узбекистана, как уже говорилось, характерно преобладание так называемых малых городов. Согласно принятой в градостроительстве классификации городов по численности населения⁴, к разряду малых принято относить города с населением до 50 тыс. человек. В городах юго-запада численность населения не превышает 20—25 тыс. человек. Общая же численность населения восьми малых городов составляет 164,5 тыс. человек⁵ (38% населения городов этого района), тогда как в Самарканде и Бухаре проживает 265,8 тыс. человек (62%).

Надо сказать, что развитию малых городов юго-запада, как, впрочем, и остальных малых городов республики, на протяжении многих лет не уделялось должного внимания. Это объясняется главным образом тем, что при разработке планов развития промышленности большая часть намеченных к строительству объектов размещалась в основном в крупных городах, где уже имелась определенная материально-техническая база, кадры, жилой фонд, культурно-бытовые учреждения и др. При этом имелось в виду, что сооружение новых предприятий в этих городах сокращает, по сравнению с новыми районами, капитальные вложения в жилищное и коммунальное хозяйство.

На первый взгляд, данное положение кажется обоснованным, но в действительности это не совсем так.

Во-первых, большие города не могут расти беспредельно, ибо это связано с рядом недостатков в повседневной жизни города — не обеспечиваются необходимые санитарно-технические условия, затрудняется движение и сообщение между районами города, нарушаются пропорции между численностью населения и сферой обслуживания и т. п.

Во-вторых, по данным специалистов, стоимость городского строительства, начиная с определенной величины города, начинает резко возрастать в связи с усложнением устройства сети городских коммуникаций — транспортных, водопроводных, канализационных и т. д.

Расчеты Института градостроительства Академии архитектуры и строительства СССР показывают, что затраты на 1 га территории города с населением 500 тыс. человек на 20% больше, чем в городе с населением 100 тыс. человек⁶.

В-третьих, и это главное, концентрация промышленности в отдельных больших городах нарушает принцип рационального размещения производительных сил, что зачастую приводит к нежелательным последствиям.

Таким образом, крупные города имеют ряд отрицательных качеств, и необходимо ограничивать их дальнейший рост.

⁴ Правила и нормы планировки и застройки городов, М., 1959, стр. 4.

⁵ Из них в Каттакургане — 34 тыс. человек.

⁶ А. Скворцов, Назревшие вопросы организации и планировки городского хозяйства СССР. «Вопросы экономики», 1958, № 4, стр. 140.

Однако малые города также имеют свои недостатки, ибо создание системы обслуживания в них связано с затратой больших сумм и часто становится нереальным.

Рациональное регулирование масштабов развития городов СССР является одной из важнейших народнохозяйственных задач, которой партия и правительство уделяют большое внимание.

* * *

В создании материально-технической базы коммунизма Узбекистан занимает и будет занимать видное место не только как крупнейший производитель хлопка, шелка, каракуля и другой сельскохозяйственной продукции, но и как крупный промышленный район.

Значительную роль в этом отношении будут играть юго-западные области республики, которые располагают большими возможностями дальнейшего развития производительных сил и в перспективе приобретут новое хозяйственное направление.

Успешному развитию производительных сил района благоприятствует и возрастно-половая структура населения, определяющая размер трудовых ресурсов.

Здесь будут орошены крупные массивы земель и обводнены пастбищные угодья, что позволит значительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции.

Освоение и промышленная разработка уникальных месторождений природного газа, а также нефти, нерудных ископаемых обеспечат быстрое развитие промышленности, в первую очередь таких важных ее отраслей, как энергетическая, химическая, промышленность строительных материалов.

Развитие промышленности, естественно, предполагает реконструкцию и расширение уже существующих и строительство новых предприятий. При этом важное значение имеет их рациональное размещение.

Выше отмечалось, что сейчас промышленное производство в рассматриваемом районе в силу ряда причин размещено неравномерно, и в результате малые города отличаются низким уровнем промышленного развития.

Исходя из этого, целесообразно размещать новые промышленные предприятия в малых городах, обладающих большими потенциальными возможностями, в частности:

- 1) большой и разнообразной сырьевой базой;
- 2) определенными, ранее сложившимися материально-техническими ресурсами, жилым фондом и т. д.;
- 3) возможностью обеспечения намечаемых к строительству промышленных объектов сырьем, водой, энергией и рабочими кадрами;
- 4) наличием свободных площадок для индустриального и гражданского строительства;
- 5) благоприятными в целом природными условиями.

Первостепенной задачей развития малых городов Юго-Западного Узбекистана является усиление их промышленных функций за счет строительства новых предприятий.

Вместе с тем должна быть резко изменена и структура промышленности. В настоящее время преобладающее значение имеют здесь отрасли легкой (в основном хлопкоочистительной) и пищевой промышленности. В перспективе же должны получить первоочередное

развитие отрасли тяжелой промышленности — энергетика, химия, машиностроение.

Создание промышленности в малых городах, как главный градообразующий фактор, вызовет общий подъем экономической жизни и повлечет за собой увеличение занятости населения, что имеет большое народнохозяйственное значение.

В настоящее время в малых городах юго-запада на каждые 1000 жителей приходится примерно 60—75 человек, занятых в промышленности (а в г. Навои — лишь 40 человек) что вдвое меньше, чем в крупных городах — Самарканде и Бухаре.

Сравнительно невелика занятость трудоспособного населения и в остальных отраслях народного хозяйства, причем, как правило, значительную часть неработающего трудоспособного населения составляют женщины (удельный вес женщин, не принимающих участия в общественном производстве, достигает 40—45% общего числа трудоспособных женщин). Работающие же женщины заняты главным образом в отраслях непроизводственного назначения — просвещении, здравоохранении, жилищном и коммунальном хозяйстве.

Одним из важнейших вопросов развития малых городов юго-запада является необходимость такого сочетания промышленных предприятий, в которых были бы заняты как мужчины, так и женщины.

Конечно, в каждом из городов района промышленность будет иметь свою специализацию. Так, г. Навои, где сейчас находится лишь одно крупное предприятие — хлопкоочистительный завод, — станет центром энергетики, цементной промышленности, производства минеральных удобрений и других видов химической промышленности. Одновременно здесь будут создаваться предприятия легкой и пищевой промышленности, где широко применяется женский труд.

В г. Карши, имеющем ряд предприятий легкой и пищевой промышленности, наоборот, целесообразно развивать отрасли тяжелой промышленности. В частности, освоение земельных массивов Каршинской степи потребует создания ряда ремонтных и машиностроительных предприятий, а намечаемое промышленное и гражданское строительство — производства различных стройматериалов.

Важным вопросом дальнейшего развития малых городов является создание соответствующих культурно-бытовых условий для населения. Несмотря на постоянное внимание к этому вопросу, пока еще имеются существенные различия в уровне коммунального, бытового и культурного обслуживания трудящихся в больших и малых городах. Необходимо осуществить ряд мероприятий, которые изменят условия жизни в малых городах. Это, в первую очередь, широкое строительство благоустроенных жилищ, сети детских дошкольных учреждений, коммунально-бытовых предприятий и других учреждений системы обслуживания, что явится важным фактором вовлечения в общественное производство незанятого населения, особенно женщин.

Разрабатывая перспективы развития наших городов, следует помнить указание Н. С. Хрущева о том, что «сохраняя крупные города как производственные и культурные центры и в то же время не допуская их чрезмерного роста, нужно развивать и создавать небольшие и средние благоустроенные города. Наши населенные пункты должны все больше соответствовать представлениям о «зеленых городах», «городах-садах». Они будут сочетать в себе все лучшее, что имеет современный город, — благоустроенные жилые дома, транспортные магистрали, коммунально-бытовые, детские, культурные и спортив-

ные учреждения, со всем лучшим, что имеют сельские местности, — богатой зеленью, водоемами, чистым воздухом»⁷.

Такими благоустроенными промышленными и культурными центрами могут и должны стать города Юго-Западного Узбекистана. И эта задача, несомненно, будет успешно решена в ходе развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

Ф. Ф. Кравец

**ЖАНУБИ ҒАРБИЙ ЎЗБЕКИСТОНДАГИ КИЧИК ШАҲАРЛАРНИНГ
РИВОЖЛАНИШ ИСТИҚБОЛИ ҲАҚИДА**

Мақола автори Жануби Ғарбий Ўзбекистондаги кичик шаҳарларнинг ҳозирги кундаги саной тараққиёт даражасини ёритиб, мамлакатимизда коммунистик қурилишни кенг кўламда авж олдириш жараёнида мазкур шаҳарларнинг асосан қандай йўллар билан ва қай йўналишда ривожланишини кўрсатишга ҳаракат қилади.

---

⁷ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 67.

Н. ЮЛДАШЕВ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАМЗЫ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В ХОРЕЗМСКОЙ НСР (1921—1924)

Основоположник узбекской социалистической литературы и театра, страстный глашатай идей Великого Октября, один из первых узбекских советских педагогов, пламенный народный трибун Хамза Хаким-заде Ниязи внес огромный вклад в развитие новой, социалистической культуры, искусства и просвещения в Советском Узбекистане.

В данной статье мы попытаемся на основе использования ранее неизвестных материалов осветить кипучую, многогранную деятельность Хамзы в 1921—1924 гг. в Хорезмской НСР, только что сбросившей тогда вековое иго ханской деспотии и приступившей к строительству новой, свободной и счастливой жизни.

Этот весьма важный и интересный вопрос до сих пор еще освещен явно недостаточно, хотя некоторые ценные сведения о пребывании Хамзы в ХНСР приведены в монографиях И. Султанова, М. Рахманова, Ф. Кароматова, Л. Каюмова¹, а также в ряде статей и воспоминаний.

Хамза прибыл в Хорезм по путевке Политуправления Туркфронта в октябре 1921 г.² для оказания помощи работникам просвещения и искусства ХНСР. Он сразу же начал собирать вокруг себя молодежь, народных музыкантов, певцов и уже в конце 1921 г. создал в г. Хиве драматический кружок в составе 25 человек.

Согласно составленной Хамзой учебной программе участники кружка должны были обучаться игре на национальных инструментах и фортепиано, освоить нотную грамоту и т. д. Серьезное внимание уделялось и вопросам политического образования будущих артистов, для чего был введен цикл лекций по истории Коммунистической партии.

16 декабря 1921 г. Президиум ЦК профсоюзов ХНСР, обсудив работу своего отдела культуры и просвещения, вынужден был признать, что этот орган ни в коей мере не оправдал возложенных на него ответственных задач, особенно по борьбе с неграмотностью. (Впрочем, большая доля вины за это ложилась и на бывшее пра-

¹ И. Султонов, Халқ санъаткори, Тошкент, 1959; М. Раҳмонов, Ҳамза ва ўзбек театри, Тошкент, 1959; Ф. Кароматов, Узбекская советская музыка, Ташкент, 1959; Л. Каюмов, Инқилоб куйчиси, Тошкент, 1962, и др.

² М. Рахманов в упомянутой выше монографии (стр. 190—191), а также некоторые другие авторы указывают неточную дату — август или сентябрь 1921 г. Нельзя признать правильными и данные хранящегося в ЦГА УзССР (ф. Р-71, оп. 1, д. 142, л. 44) списка учителей, работавших в Хорезме в 1923 г., где отмечается, будто Хамза был там уже с июня 1921 г. Л. Каюмов сумел, на наш взгляд, вполне убедительно доказать, что Хамза прибыл в ХНСР не ранее октября 1921 г., что полностью подтверждается архивными данными (см., например, Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 143, и др.).

вительство республики, не желавшее приобщать массы к культуре и вообще оказавшееся совершенно чуждым трудовому народу).

В целях быстрой и эффективной ликвидации сложившегося ненормального положения Президиум единогласно утвердил Хамзу заместителем заведующего отдела культуры и просвещения Центрального комитета профсоюзов ХНСР. Он же возглавил и вновь образованный подотдел драматической труппы (Сахнаи Нафиса)³.

Хамза активно включился в работу профсоюза — побывал в командировках, организовал на местах школы по ликвидации безграмотности, вовлекал талантливую молодежь в драматические кружки. По его инициативе, например, 10 января 1922 г. профсоюз открыл в Хиве школу для взрослых⁴.

Немало энергии вложил Хамза и в проведение первого курултая профсоюзов (январь 1922 г.), на котором он единогласно был избран заведующим отдела культуры и просвещения, а также членом Президиума ЦК профсоюзов ХНСР.

По предложению Хамзы политуправление Хивинской группы войск (Пурхив) пригласило в Хиву театральную труппу, которую возглавлял соратник и близкий друг Хамзы Таджи-заде. Труппа прибыла в ХНСР 28 ноября 1921 г. Вскоре к ней присоединились местные участники художественной самодеятельности. Хамза внимательно просмотрел весь репертуар этой труппы, провел с нею ряд репетиций и вообще стал ее фактическим руководителем.

Труппа Таджи-заде ставила спектакли, написанные Хамзой, — «Фаргона фожиалари» («Трагедия Ферганы»), «Байи и батрак», «Ким тўғри» («Кто прав»), «Тухматчилар жазоси» («Наказание клеветников») и др.⁵

На заседании Президиума ЦК профсоюзов 17 января 1922 г. Хамза поставил вопрос о сооружении нового здания для театра и клуба⁶. Это предложение было поддержано ЦК ХКП и правительством республики.

Со свойственной ему энергией и целеустремленностью Хамза активно содействовал строительству новой жизни и новой культуры Советского Хорезма. Однако его кипучая деятельность пришлась не по душе ряду местных руководителей, оторвавшихся от народа, и в ход было пущено подлое оружие сплетен, клеветы и беспардонной демагогии. Особенно яростно нападали на Хамзу жестоко критикуемые им пантюркисты, националисты типа Бахри, Кашофа Пати, Саъди и др., окопавшиеся в аппарате Назирата просвещения.

Дело было, конечно, не только в ненавистной врагам народа личности самого Хамзы, но прежде всего в том, что контрреволюционные элементы всячески стремились сорвать советское строительство в республике, оставить трудящиеся массы в сетях тьмы и невежества.

Реакционеры не брезговали буквально ничем. Вот лишь один из многих фактов. В феврале 1922 г., когда в Хиве окончилось строительство здания театра, был организован торжественный митинг и гуляние, поставлен спектакль. И в тот же вечер в театр проникли реакционные элементы, испортившие там обстановку и т. д.⁷

³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 143, л. 21.

⁴ Газ. «Хоразм хабарлари», 12 января 1922 г.

⁵ М. Раҳмонов, Хамза ва ўзбек театри, стр. 193.

⁶ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 143, л. 3.

⁷ См. «Хоразм хабарлари», 4 марта 1922 г.

2 февраля 1922 г. Хамза вынужден был отказаться от занимаемой должности в профсоюзе⁸ и перейти в Пурхив. Однако он сохранил за собой руководство театральной труппой, успешно продолжавшей выступать с концертами и спектаклями, сборы с которых в первой половине 1922 г. шли в фонд помощи голодающим центральных губерний России⁹.

В архиве поэта, хранящемся в Институте языка и литературы АН УзССР, имеется документ, свидетельствующий о том, что Хамза лично передал по квитанции из сборов со спектаклей 25 тыс. руб. в пользу голодающих.

Однако часть этих выступлений обычно проводилась бесплатно, чтобы приобщить к театральному искусству широкие массы трудящихся Хорезма¹⁰.

Надо сказать, что хорезмский период был весьма плодотворным этапом в творческой биографии Хамзы. Именно в 1921—1924 гг. были написаны драмы «Севдимали» и «Хон зулми» («Ханский гнет»)¹¹, одноактные комедии «Шўро» («Совет»), «Сайфулло хур-хур» («Лодырь Сайфулло»)¹² и другие, стихотворения «Ленин» (1922), «Шерозийга» («Послание Шерози», 1923), «Яхши» («Хорошо», 1922), «Хоразм дехқонларига» («Хорезмским дехканам», 1922), «Мактаб» («Школа», 1923) и ряд других. К сожалению, многие из них еще не найдены и пока известны лишь их названия¹³.

Взять хотя бы одну из четырехактных пьес Хамзы «Ханский гнет» («Хон зулми»), написанную на местном материале в 1922 г.¹⁴ Краткое содержание ее сводится к следующему. Асфандияр-хан насильно завлек в свой гарем девушку, которую любил молодой кузнец. Хан приказал казнить юношу. Стоя с завязанными руками перед деспотом, кузнец гневно проклиная хана:

Илоҳи давлатингга минг балойи
ногаҳон ўлғай,
Шу гуфта тожу тахтинг пайндорингга
инсу жон ўлғай.
Неча барно йигиту қизларни буғзини
қон этдинг,
Сенинг ҳам лахта-лахта қусқанинг шоядки
қон ўлғай!¹⁵

(«Дай бог, чтоб на тебя и на твоих чиновников свалилась внезапно тысяча бед, пусть твой трон взлетит на воздух. Ты казнил многих безвинных юношей и девушек, но придет время — и ты тоже захлебнешься в собственной крови»).

В 1922 г. эта пьеса была впервые поставлена любительской труппой г. Хивы. Враги революции постарались и тут навредить Хамзе, смело разоблачавшему не только хана и феодалов, но и буржуазных националистов.

⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 143, л. 31.

⁹ «Хоразм хабарлари», 8 апреля 1922 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ Эта драма известна под другими названиями — «Асфандияр-хан», «Хорезмская революция», «Последние дни хана» и др.

¹² См. «Инқилоб қуёши», 19 сентября 1923 г., а также воспоминания Кадыра Ходжаева (газ. «Қизил Ўзбекистон», 11 февраля 1961 г.), и др.

¹³ Автор статьи записал в Хорезмской области, Ходжейли и Ташаузе несколько стихов со слов некоторых старожиллов, работавших вместе с Хамзой.

¹⁴ «Инқилоб қуёши», 19 сентября 1923 г.

¹⁵ Из воспоминаний Кадыра Ходжаева. См. «Қизил Ўзбекистон», 11 февраля 1961 г.

Драматург Зиннат Фатхуллин вспоминает: «Будучи в Хорезме, Хамза написал пьесу «Революция в Хорезме» или «Последние дни хана». Пьесу готовил к постановке кружок самодеятельности в городе Хиве. Среди артистов-любителей были сынки местных богачей. Им, конечно, не по нутру был образ хана, выведенный Хамзой, и они постарались кое-что исправить в пьесе: выбросили, например, несколько реплик, явно компрометирующих хана. Словом, сделали его чуть ли не безобидной овечкой. Хамза не видел репетицию пьесы, но пришел на ее представление. Сидит, смотрит и своим глазам и ушам не верит, а потом не выдержал, вскочил с места и закричал на весь зал «Остановить спектакль!», но занавеси не закрывались, артисты играли. Тогда Хамза вскочил на сцену и несколько раз выстрелил вверх из пистолета. Только тогда закрыли занавес. Хамза вышел к публике и извинился перед ней. Он объяснил, чем вызвана была вспышка его гнева, пообещал в ближайшее время возобновить этот спектакль, но уже в своей постановке, чтобы показать хана на сцене таким, каким он был на самом деле»¹⁶.

Об исключительно сложной обстановке, в которой приходилось тогда жить и работать Хамзе, ярко свидетельствует тот факт, что за три года пребывания в Хорезме Хамзе не удалось опубликовать в местной периодической печати ХНСР ни одного из созданных им произведений, ибо этому препятствовали засевшие в руководящих органах республики буржуазные националисты. Хамза не шел с ними ни на какие компромиссы и резко бичевал их в своих сатирических стихотворениях и выступлениях. И враги мстили ему как могли.

Но это не пугало Хамзу. Он знал, что его любит народ, что имя его весьма популярно в среде передовой интеллигенции республики. И чем больше бесновались враги, тем больше энергии отдавал Хамза служению своему народу, родной Коммунистической партии и Советской власти.

После отъезда из Хорезма труппы Таджи-заде (май 1922 г.) Хамза создал новый театральный коллектив, в который, помимо молодежи (Эшанходжаев, М. Палванов, А. Махмудов, Қариев, Сарайманов, Заргаров, Я. Деванов, У. Курбанов, Ф. Бекмухаммедова, Х. Бекмухаммедова, Типчирова, Камара-ханум и др.), вошли и представители старшего поколения.

Вскоре состав труппы увеличился до 72 человек. Руководителями ее были Хамза, М. Палванов и Я. Деванов. Из-за недостатка актрис У. Курбанов и Сарайманов часто играли женские роли. У. Курбанов был также единственным художником труппы¹⁷.

В 1922 г. этот коллектив поставил несколько пьес Хамзы («Наказание клеветников», «Кто прав» и др.), а в сентябре 1923 г. состоялся успешный дебют его пьесы «Ханский гнет»¹⁸.

Куда бы не приезжал Хамза, он всюду собирал любителей искусства, помогал им организовывать художественную самодеятельность масс.

Тесная дружба связывала Хамзу с такими видными деятелями народного искусства Хорезма тех лет, как Ширази Якубов, Сафо Мугани, Худайберди, Курбан Созчи, Джуманияз Сурнайчи и др.

¹⁶ «Звезда Востока», 1960, № 10, стр. 112.

¹⁷ Из записанных нами в декабре 1961 г. воспоминаний Сарайманова и Ф. Бекмухаммедовой.

¹⁸ «Инқилоб қуёши», 19 сентября 1923 г.

Плодотворным оказалось его творческое сотрудничество и со знаменитым ташаузским певцом и музыкантом Хафизом, который сочинил на слова Хамзы песню о Ленине, быстро получившую широкую популярность в республике.

Известна и другая тогдашняя песня об Ильиче на слова Сафо Мугани. Интересно сравнить оба этих произведения — одни из первых не только в узбекской, но и во всей советской литературе, посвященные великому вождю мирового пролетариата.

Сафо Мугани писал (май 1921 г.):

«Шод айладинг Хоразм элин,
Яшасин дунёда Ленин.
Келди бизга яхши айём.
Биродар Ленинга салом»¹⁹.

(«Да славится в мире Ленин, который принес радость хорезмскому народу. Для нас пришли счастливые дни, привет товарищу Ленину»).

А вот текст Хамзы (1922 г.):

«Жаҳонгирлар қўлидан халқни озод
айлаган Ленин,
Бериб миллий ҳуқуқ халқни саршод
айлаган Ленин.
...жаҳон йўқсуллариининг барчасия иттифоқ
айлаб,
«Қизил байроқ кўтар», — деб халққа фарёл
айлаган Ленин»²⁰.

«Ленин освободил народ от эксплуататоров, дал ему все права нации и счастливую жизнь.

Ленин обращался к народам всего мира: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь в одном союзе и поднимайте красное знамя!»).

Стихотворение Хамзы проникнуто ясным пониманием величайшей социальной значимости деятельности В. И. Ленина; отчетливо осознает поэт и глубоко интернациональный характер ленинизма, тогда как Сафо Мугани в известной мере свойственна еще традиционная риторичность и декларативность.

Неоценимый вклад внес Хамза Хаким-заде Ниязи и в развитие народного просвещения в Хорезме.

В августе 1922 г. мы видим его в должности воспитателя и учителя Ходжейлинской казахской коммунистической школы («Қозоқ иштироқиюн мактаби»). До приезда Хамзы положение школы было весьма печальным — воспитанники ее оказались без всякого присмотра, отпускаемые школе средства расхищались заведующим, учебно-воспитательная работа была запущена и т. д.²¹

С помощью партийных и советских организаций Ходжейли Хамза энергично взялся за реорганизацию школы, стремясь сделать ее образцовой во всех отношениях. Став 10 февраля 1923 г. ее заведующим, он улучшил материальное положение учащихся, добился повышения уровня политико-воспитательной работы в школе, организовал кружки музыкантов, танцовщиков, вокалистов и т. д.

Хамза отлично понимал всю важность коммунистического воспитания молодого поколения, которое должно было навсегда избавиться от вредных традиций и пережитков прошлого, от религиозных воз-

¹⁹ «Югурма», сборник стихов, Хива, 1923.

²⁰ Газ. «Ўзбекистон маданияти», 6 ноября 1957 г.

²¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 193, л. 1—2.

зрений и невежества. «Дети трудящихся, — писал Хамза, — должны воспитываться в духе коммунизма и коллективизма, они всеми силами должны осваивать науку, технику и стать хозяевами над природой»²².

В результате огромной напряженной работы Хамзы, опиравшегося на всемерную поддержку общественности, Ходжейлинский интернат добился в 1923—1924 гг. крупных успехов в учебно-воспитательной работе, что было отмечено 27 февраля 1924 г. на совещании Казахского отдела Ходжейлинского облисполкома.

По инициативе Хамзы партийные организации Ходжейли не раз обсуждали вопрос об усилении политико-воспитательной и агитационной работы среди населения. Так, 13 марта 1923 г. на заседании Ходжейлинского райкома партии было принято предложение Хамзы об открытии вечерних курсов ликбеза для взрослых.

Выступавшие ораторы горячо благодарили Хамзу за то, что под его руководством в городском саду каждый вечер устраивались концерты и спектакли любительской труппы, проводились беседы и доклады для населения. Этот сад стал тогда центром всех культурно-просветительных мероприятий, проводимых в Ходжейли²³. Вскоре по инициативе Хамзы там были построены красная чайхана и читальня.

В 1923 г. в Ходжейли была открыта школа ликбеза, где обучалось свыше 60 человек, многие из которых были членами Союза молодежи. Хамза создал аналогичную школу для красноармейцев и сам взял над нею шефство²⁴.

В 1924 г., помимо заведования интернатом, Хамза исполнял и обязанности заместителя заведующего Ходжейлинского ОблОНО. По его инициативе в 1923 г. были созданы общеобразовательные школы в Ходжейли, Кунграде, Мангите, Хитае, Куня-Ургенче и т. д.

Огромное значение придавал Хамза правильному подбору педагогических кадров, отчетливо сознавая ведущую роль учителя в воспитании детей. Он подчеркивал, что учитель должен стать близким другом и добрым наставником ученика и занимать в жизни ребенка такое же место, как и его родители. До сих пор еще не потеряли своей ценности замечательные педагогические эксперименты Хамзы, особенно его опыт трудового воспитания.

В Ходжейлинском, а затем в Кунградском интернате педагоги под руководством Хамзы сумели хорошо связать сельскохозяйственный труд с общеобразовательными задачами, создав различные специализированные кружки (садовый, огородный и др.), учебные мастерские и опытные участки²⁵, специально выделенные Казахо-каракалпакским обкомом партии и облисполкомом²⁶.

С мая 1924 г. в Ходжейли, как и во всей Хорезмской республике, была проведена неделя помощи в пользу просвещения. Для осуществления этого мероприятия была создана специальная комиссия, заместителем председателя которой был назначен Хамза²⁷.

Комиссия развернула интенсивную деятельность. В Ходжейли, Кунграде и районах области были организованы массовые доклады,

²² Из докладной записки Хамзы в ЦК Хорезмской Коммунистической партии (от 15 октября 1923 года), Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 516, л. 7.

²³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 367, л. 3.

²⁴ «Шарк юлдузи», 1960, № 10, стр. 149.

²⁵ «Инқилоб қўши», 29 июля 1924 г.

²⁶ В 1923 г. Ходжейлинская область была переименована в Казахо-Каракалпакскую автономную область.

²⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 361, оп. 1, д. 650, л. 31.

спектакли, концерты, в кишлаки и аулы направлены красные агитационные арбы и т. д.²⁸

Несмотря на постигшее тогда Ходжейли стихийное бедствие — нашествие саранчи, борьба с которой отнимала много сил и средств — были собраны значительные средства в пользу народного просвещения, и в этом немалая заслуга принадлежала Хамзе. А как только закончилась неделя помощи народному просвещению, Хамза поднял вопрос о созыве областного курултая работников просвещения для разработки мероприятий по реформе старометодных школ²⁹.

В своих произведениях и практической работе Хамза уделял особое внимание вопросам фактического раскрепощения трудящихся женщин местных национальностей, развитию женского образования как важному фактору вовлечения женских масс в активное хозяйственное, государственное и культурное строительство.

Во второй половине 1923 г. в Ходжейли по инициативе Хамзы была создана женская ячейка, проводившая значительную агитационную и воспитательную работу среди местных женщин, а в начале 1924 г. была открыта вечерняя школа ликбеза для женщин³⁰.

В рамках статьи невозможно даже просто перечислить те мероприятия, которые были осуществлены под руководством, по инициативе и при личном участии Хамзы в области развития культуры и просвещения Советского Хорезма в 1921—1924 гг. Его замечательные произведения и кипучая практическая деятельность списали ему всеобщую любовь и признательность трудящихся. И когда в августе 1924 г. Хамза уезжал из Хорезма, жители Ходжейли устроили ему массовые торжественные проводы, еще раз подчеркнувшие неразрывную связь поэта-трибуна с народом.

Хамза уезжал из Хорезма не один. Вместе с ним отправлялась группа местной молодежи, которую он решил устроить в учебные заведения г. Ташкента³¹.

Славный сын узбекского народа, не жалея сил, боролся за то, чтобы дети трудящихся — узбеки, каракалпаки, казахи, туркмены, таджики, киргизы — получали образование, приобщались к науке, искусству, ко всем сокровищам современной культуры, воспитывались стойкими и смелыми борцами за коммунизм.

Многочисленные ученики и воспитанники Хамзы стали педагогами, учеными, артистами, врачами, инженерами, агрономами, партийными и советскими работниками и составили один из первых отрядов национальной советской интеллигенции Узбекистана и других республик Средней Азии³².

Всю свою жизнь они свято блюдут завет своего учителя — всегда и везде быть вместе с народом, стремясь служить ему так, как служил Хамза, отдавший свою короткую, но прекрасную жизнь беззаветной борьбе за народное счастье, за коммунизм.

²⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз. Ф. 361. оп. 1, д. 650, л. 48.

²⁹ См. там же, л. 48—50.

³⁰ Там же, д. 713, л. 8.

³¹ «Шарқ Юлдузи». 1959, № 10, стр. 139.

³² «Қизил Узбекистон», 8 февраля 1961 г.

Н. Йўлдошев

**ҲАМЗАНИНГ ХОРАЗМ ХСР ДА МАДАНИЯТ ВА МАОРИФ СОҲАСИДА
ҚУРСАТГАН ФАОЛИЯТИ
(1921—1924)**

Мақола автори янги қимматли материаллардан фойдаланиб, Ҳамза Ҳақимзода Ниёзийнинг 1921—1924 йилларда Хоразм ХСР да амалга оширган кўп қиррали жўшқин фаолиятини ёритади. Автор Ҳамзанинг янги турмуш қуриш йўлига ўтган ёш Хоразм республикаси маданияти ва маорифини ривожлантиришга жуда катта ҳисса қўшганлигини ишонарли тарзда баён этади.

С. И. ТАНСЫҚБАЕВА, Ф. Г. ВОЛОХОНСКАЯ

ЭКСПАНСИЯ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА В ПАКИСТАН
(1950—1961)

Современный мир переживает эпоху бурных национально-освободительных революций. Все новые и новые народы в результате упорной борьбы сбрасывают цепи колониального рабства и создают молодые суверенные государства, вступая в новый период своего развития.

Однако борьба с колониализмом еще не закончена. Многие формально самостоятельные страны фактически находятся в экономической и политической зависимости от иностранных империалистических держав и монополий. Империализм использует всевозможные средства, всякие «новейшие» изощренные и утонченные формы и методы неоколониализма, чтобы сохранить и упрочить свои позиции в бывших колониях и полуколониях, чтобы по-прежнему грабить и угнетать народы этих стран, удерживая их в системе капиталистического хозяйства.

Особенно рьяно действует в этом отношении американский империализм, взявший на себя роль «спасителя» капитализма, главного оплота международной реакции и современного колониализма. Американский монополистический капитал «захватил важнейшие источники сырья, рынки сбыта и сферы приложения капитала, создал своеобразную колониальную империю, стал самым крупным **мировым эксплуататором**. Американский империализм, прикрываясь фальшивым флагом свободы и демократии, на деле выполняет роль **мирового жандарма**, поддерживая реакционные диктаторские режимы, прогнившие монархии, выступая против демократических, революционных преобразований, развязывая агрессию против народов, борющихся за свою независимость»¹.

Одним из методов колониальной политики империалистов США является навязывание ими кабальной «помощи» отсталым и слабо развитым странам, вчерашним колониям и полуколониям. «Под флагом «помощи» они пытаются удержать в этих странах старые и захватить новые позиции, расширить свою социальную опору, перетянуть на свою сторону национальную буржуазию, насадить военно-деспотические режимы, поставить у власти послушных марионеток»².

Реакционные круги местных эксплуататорских классов, боясь дальнейшего укрепления прогрессивных демократических сил, углубления и расширения национальной революции, стаиваются союзниками и пособниками иностранного империализма, вступают с ним в различные сделки, военные блоки и соглашения.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 31.

² Там же, стр. 46.

Говоря об отношениях Советского Союза с такими странами, как Иран, Пакистан и Япония, Н. С. Хрущев отмечал в отчетном докладе на XXII съезде партии: «К сожалению, пока что их правящие круги не могут или не хотят выпутаться из тенет военных блоков, навязанных им западными державами... Нынешняя политика правительств этих стран таит в себе угрозу для их народов»³.

«К чему приводит такая политика, — говорил Н. С. Хрущев, — видно на примере Пакистана. Две трети своего бюджета эта страна растрчивает на военные цели, национальная промышленность там не развивается, а иностранный капитал хозяйничает, словно в своих вотчинах»⁴.

Империалистические круги США придают Пакистану огромное значение, отводя ему ведущее место в своих планах сколачивания военных блоков в Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Поэтому Пакистан вскоре после его образования превращается в арену проникновения и деятельности американского капитала.

Политика правящих кругов Пакистана, их односторонняя проимпериалистическая ориентация способствуют усиленному притоку иностранного капитала в страну. Но если до начала 50-х годов господствующее положение в экономике Пакистана занимал английский капитал, то в последующие годы все более усиливается проникновение американского капитала, ведущего острую борьбу со своим английским конкурентом.

Экспансия американского капитала в Пакистан осуществляется, в частности, в форме предоставления правительственных займов, но главным образом в виде экономической, технической, военной и прочей «помощи» Пакистану со стороны США⁵.

В проникновении американского капитала в Пакистан можно проследить 2 этапа: 1) с момента провозглашения «Программы Трумена» (1949) до заключения первого двустороннего американо-пакистанского военного соглашения (1954) и 2) после 1954 г.

Для первого этапа было характерно стремление американских империалистов путем предоставления так называемой «помощи» Пакистану подчинить его экономику своему влиянию и тем самым подготовить политическое подчинение страны. Второй этап характеризуется усилением влияния США, увеличением размеров «помощи» и вовлечением Пакистана в агрессивные военные блоки (СЕАТО, СЕНТО).

Оказание американской «помощи» сопровождается посылкой в Пакистан всевозможных «советников» и «экспертов», количество которых, по словам пакистанской газеты «Имроз», исчисляется тысячами⁶. Официально в их функции входит согласование программы экономического сотрудничества, но фактически они заняты развертыванием военного производства и милитаризации страны, наблюдением за внутренним положением и контролем над распределением «помощи» с тем, чтобы удержать страну на положении аграрно-сырьевого придатка американских монополий.

Первое американо-пакистанское соглашение о «помощи» было подписано 9 февраля 1951 г. По этому соглашению Пакистану выделялось 600 тыс. долл. В последующие годы размеры американской

³ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, М., Госполитиздат, 1961, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ С 1 июля 1961 г. военная и экономическая «помощь» США предоставляется Пакистану на основе «Закона о помощи иностранным государствам».

⁶ «Имроз», 30 января 1960 г.

«помощи» значительно увеличилась и, по данным на март 1961 г., она достигла уже 1300 млн. долл.⁷

Основную часть этой суммы составляет военная помощь — поставки вооружения и военного снаряжения, оплата различных военных мероприятий и т. д. Так, в конце 1958 г. Пакистан получил от США 100 реактивных истребителей Ф-84 (Сейбр)⁸. В 1959 г., вскоре после заключения второго двустороннего военного соглашения, Пакистан получил несколько партий реактивных бомбардировщиков.

Оказывая военную «помощь» той или иной стране, империалисты США подчеркивают, что правительство ее может использовать внутренние ресурсы страны на развитие ее экономики. В действительности же предоставление такой «помощи», как это видно на примере Пакистана, обязывает его увеличивать собственные расходы на военные нужды, намного превышающие размеры получаемой «помощи». Так, по словам руководителя миссии Управления международного сотрудничества в Пакистане Джеймса Киллсена, пакистанское правительство расходует на каждый доллар американской военной «помощи» пять долларов из своего бюджета⁹.

К середине 1959 г. прямая военная «помощь» США Пакистану составила около 522 млн. долл. Кроме того, с 1953 по 1959 г. на военные нужды Пакистану было предоставлено около 480 млн. долл. по так называемой «Программе поддержки обороны» и 136 млн. долл. на расходы по «совместной обороне». Если вычесть эти суммы из общего объема американской «помощи» Пакистану, составившей за 1951—1959 гг. 1119 млн. долл., то экономическая «помощь» окажется равной 503 млн. долл.¹⁰

Экономическая «помощь» США Пакистану носит главным образом потребительский характер и используется прежде всего для финансирования поставок американских «излишков» сельскохозяйственной продукции на основе «Закона 480», принятого в США в 1954 г. Эти «излишки» предоставляются не в кредит, а реализуются в местной валюте страны¹¹.

Всего с 1955 г. Пакистану было выделено на приобретение «излишков» американских сельскохозяйственных товаров свыше 406 млн. долл.¹²

В начале 1961 г. была достигнута договоренность о поставке в Пакистан «излишков» американских сельскохозяйственных товаров на ближайшие 4 года в сумме 1 млрд. долл.¹³

Следует отметить, что цены на американские товары гораздо выше, чем в других странах. Причем 50% этих товаров должно доставляться на американских судах и оплата за эти «услуги» также входит в сумму «помощи».

Вывоз «излишков» сельскохозяйственных товаров США в Пакистан наносит серьезный ущерб экономике страны, ведет к разорению пакистанских производителей этих товаров и закрытию многих национальных предприятий.

⁷ „Pakistan Times“, 8 March 1961.

⁸ Р. М. Мукимджанова, Политика США в Пакистане, М., 1961, стр. 107.

⁹ „Pakistan Times“, 15 May 1959.

¹⁰ Р. Г. Искандаров, К вопросу о помощи слаборазвитым странам, М., 1960, стр. 61.

¹¹ Там же, стр. 48—49.

¹² „Pakistan Times“, 8 March 1961.

¹³ Там же.

Условия предоставления американской «помощи» таковы, что, как отметил Дж. Киллен, «Пакистан и другие страны, получающие «помощь», никогда полностью не уверены в ней, поскольку никогда не знают точно ни ее размеры, ни срок ее предоставления»¹⁴.

Значительную часть этой «помощи» поглощает содержание американского персонала в стране. Каждый американский эксперт обходится в 25 тыс. долл. (250 тыс. руп.) ежегодно¹⁵, а ведь их в Пакистане насчитываются тысячи!

Американский капитал укрепляет свои позиции в Пакистане и косвенным путем, через международные организации, в которых он играет ведущую роль, такие как Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, специализированные агентства ООН и др.

С 1947 по конец 1959 г. Международный банк предоставил Пакистану 12 займов на сумму 151 350 тыс. долл.¹⁶ Займы эти даются из расчета 4—6% годовых сроком на 15—30 лет и оговариваются рядом условий: они расходуются на закупки товаров главным образом в США и предоставляются в основном на развитие сельского хозяйства, причем Международный банк имеет право широко контролировать ту страну, которую он ссужает капиталом.

Немалую роль в усилении позиций американского капитала в Пакистане играет небезызвестная «благотворительная» организация «Фонд Форда». Оказанная ею «помощь» Пакистану составила за 1952—1960 гг. 17,4 млн. долл.¹⁷ и была использована главным образом на приобретение иностранного оборудования, обучение пакистанцев за границей и оплату консультаций экспертов.

Экономическое закабаление Пакистана подготовило политическую экспансию США в эту страну. Результаты американской «помощи» не замедлили сказаться.

В мае 1954 г. между США и Пакистаном было заключено двустороннее военное соглашение, которое позволило США поставить под свой фактический контроль вооруженные силы Пакистана, беспрепятственно (без пошлин и налогов) ввозить туда военное снаряжение и перебрасывать его в любую страну под предлогом «самообороны». По этому соглашению США предоставили Пакистану оружие, снаряжение и военные материалы на 75 млн. долл.¹⁸

Этому соглашению предшествовало заключение в апреле 1954 г. турецко-пакистанского пакта, непосредственно связанного с американо-пакистанскими переговорами о военной «помощи».

Двусторонние соглашения подготовили почву для сколачивания различных военных блоков. В сентябре 1954 г. Пакистан в числе 8 стран — США, Англии, Франции, Филиппин, Таиланда и др. — подписал так называемый «договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии» — СЕАТО. В начале 1955 г. был заключен турецко-иракский пакт — пресловутый Багдадский пакт (с августа 1959 г. — СЕНТО), к которому в июле 1955 г. примкнул Пакистан, а в ноябре — Иран.

Вступление Пакистана в СЕАТО и СЕНТО усилило его экономическую и внешнеполитическую зависимость от США, увеличив в то же время напряженность в его отношениях с Афганистаном и Индией.

¹⁴ „Pakistan Horizon“, 1959, vol. 12, N 4, p. 353.

¹⁵ Ghosh Ajoy, Pakistan portent, N. Delhi, 1958, p. 11; „New age“, 24 June 1958.

¹⁶ „Pakistan Trade“, 1960, vol. 11, N 5, p. 35.

¹⁷ „Asian Review“, April 1961, p. 145.

¹⁸ „Dawn“, 20 May 1954.

Прямым последствием участия Пакистана в империалистических блоках явилась дальнейшая милитаризация страны, строительство военно-воздушных баз и стратегических дорог на пакистанской территории. Так, военные базы были построены в Мултане, Джеламе, Пешаваре, других пунктах Восточного и Западного Пакистана¹⁹, а также на оккупированной Пакистаном территории Кашмира. Как сообщала пакистанская газета «Морнинг ньюс», поблизости от границ Афганистана возводятся стартовые установки для запуска американских ракет «Тор» и «Юпитер»²⁰. Все это делается под руководством американских специалистов.

В 1958/59 г. прямые военные расходы Пакистана составили 808,5 млн. руп. Кроме того, 68,9 млн. руп. было ассигновано на военное строительство, 136,6 млн. руп. — на «освоение» американской «помощи», а всего 1014 млн. руп., или 70,5% бюджета страны²¹. В 1959/60 г. только прямые военные расходы Пакистана составляли 971,6 млн. руп., а в 1960/61 г. — 985,9 млн. руп.²²

На состоянии государственного бюджета тяжело отражается хронический дефицит торгового баланса, создаваемый неэквивалентной торговлей с капиталистическими странами. Иностраный капитал грабит Пакистан, ввозя в страну свои товары по высоким ценам и скупая местные товары — по низким. От этого особенно страдают пакистанские крестьяне, производящие технические культуры — основные статьи экспорта страны. По данным пакистанской печати, страна ежегодно теряет в среднем до 512 млн. руп. на разнице между экспортными и импортными ценами²³. И не удивительно, что торговый баланс страны с 1956 г. стал хронически дефицитным. В 1960 г. его пассив составил 102 млн. руп.²⁴

Все это ведет к дефициту государственного бюджета, истощению валютных запасов и усилению зависимости Пакистана от империалистических держав.

Сельское хозяйство страны переживает упадок и застой. Все большие площади становятся непригодными к обработке в результате засолонения и заболачивания. Из-за примитивной агротехники урожайность сельскохозяйственных культур остается на очень низком уровне. Ярким проявлением упадка сельского хозяйства Пакистана являются продовольственный кризис, кризис сбыта основных экспортных культур — джута, хлопка. Продовольственный кризис в стране начался в 1953 г. Дефицит продовольственных культур составляет 1,5—2 млн. т. В 1959—1962 гг. Пакистан ввез из-за границы свыше 4 млн. т зерна²⁵.

Монокультурное ведение сельского хозяйства и империалистическая политика цен на сырье ведут к прямой зависимости внешней торговли и всей экономики Пакистана от колебания цен на неустойчивом мировом капиталистическом рынке. Например, в 1958 г. Пакистан не смог продать 1 млн. кип джута²⁶. Экспорт хлопчатобумажных изделий сократился на 50%²⁷.

¹⁹ „New age“, 26 April 1959; „Blitz“, 29 July 1961.

²⁰ «Международная жизнь», 1961, № 10, стр. 120.

²¹ «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 5, стр. 101.

²² Ю. В. Ганковский, Л. Г. Гордон-Полонская, История Пакистана, М., 1961, стр. 352.

²³ „Dawn“, 14 August 1959, Приложение.

²⁴ „Economic Bulletin for Asia and the Far East“, June 1960, vol. 12, N 1, p. 51.

²⁵ „Pakistan Times“, 10 October 1961.

²⁶ „New age“, 13 July 1958.

²⁷ „Pakistan Times“, 12 April 1958; „New age“, 13 July 1958.

Прямым следствием проимпериалистической ориентации правящих кругов Пакистана является одностороннее развитие его промышленности. Империалистические державы, заинтересованные в сохранении Пакистана на положении аграрно-сырьевого придатка, всячески противодействуют планам индустриализации страны.

Иностранные монополии намеренно срывают строительство промышленных объектов в Пакистане, особенно предприятий тяжелой индустрии. Так, в 1957 г. Международный банк, подчиняющийся монополиям США, отказал Пакистану в ссуде на строительство сталелитейного завода²⁸. Несмотря на наличие благоприятных условий для создания металлургического завода, правительство Пакистана под давлением США вынуждено было в 1959 г. отказаться от строительства такого завода.

Империалистические державы стремятся сорвать развитие тяжелой промышленности Пакистана и путем свертывания государственного сектора, используя в качестве экономического рычага свою финансовую «помощь». Так, уступая их давлению, правительство Пакистана было вынуждено начать распродажу частным фирмам 47 предприятий, построенных Корпорацией промышленного развития в государственном секторе. К 1 ноября 1959 г. таким путем было передано частному сектору 21 предприятие стоимостью в 357 млн. руп.²⁹

Несмотря на различные льготы, предоставленные правительством Пакистана иностранному частному капиталу с целью развития промышленности, до первой половины 1962 г. в стране не было создано ни одного предприятия тяжелой промышленности. Единственным более или менее крупным предприятием, созданным с участием американского капитала, является завод по производству минеральных удобрений в Даудхеле.

Нефтяные тресты США, монополизировавшие, как и английские нефтяные компании, добычу и продажу нефти в странах Востока и привлекающие из нее баснословные прибыли, совершенно не заинтересованы и в развитии нефтяной промышленности Пакистана.

Как сообщала пакистанская печать, американцы прибегали даже к распашке земель, залитых нефтью в районе Силхета, чтобы скрыть наличие там нефти³⁰.

Вовлечение Пакистана в агрессивные военные блоки и милитаризация экономики страны закономерно ведут к дальнейшему обнищанию широких трудящихся масс. Доход на душу населения в Пакистане продолжает оставаться самым низким в мире — 244 руп. Индекс стоимости жизни возрос с 1949 по 1960 г. на 14—22 пункта³¹. Покупательная способность населения падает, а налоги растут. Доходы правительства от налогов в 1949/50 г. составили 1068 млн. руп., а в 1959/60 г. — 1850 млн. руп.³² Вся тяжесть налогового бремени перекладывается на плечи трудящихся. А в результате, как отмечала газета «Пакистан таймс» «сотни тысяч земледельцев и мелких землевладельцев, истинные творцы богатства нашей страны, живут в состоянии крайней нищеты и бедности»³³.

²⁸ „New age“, 6 July 1959.

²⁹ Р. Г. Искандаров, указ. соч., стр. 26.

³⁰ „Pakistan Observer“, 13 May 1958.

³¹ „Economic Bulletin for Asia and Far East“, June 1961, vol. 12, N 1, p. 68.

³² Second Five Year Plan, p. 56.

³³ „Pakistan Times“, 25 June 1960.

К началу 1960 г. в Пакистане насчитывалось около 2 млн. безработных в промышленности и десятки миллионов в сельском хозяйстве³⁴.

Подавляющее большинство населения страны неграмотно и лишено элементарной медицинской помощи, а правительство Пакистана выделяет на просвещение и здравоохранение мизерную часть бюджета. Отсутствие необходимой медицинской помощи и тяжелое материальное положение масс обуславливают высокую смертность населения.

Таковы печальные итоги антинародной, проимпериалистической политики, проводимой правителями Пакистана в течение 15 лет. Неудивительно, что эта политика вызывает растущее недовольство народных масс.

Общественность Пакистана осуждает практику импорта излишков американских сельскохозяйственных товаров. В пакистанской печати, несмотря на строгую цензуру, появляется все больше статей, осуждающих политику «покупай американское». Газеты сообщают также, что население предпочитает покупать не залежалое американское зерно, а пакистанскую пшеницу³⁵.

Все больше голосов раздается за расширение экономических и культурных связей со странами социалистического лагеря.

Острое возмущение народных масс вызывает участие Пакистана в империалистических военных блоках и милитаризация страны. Несмотря на суровые репрессии, это недовольство охватывает все более широкие слои пакистанского населения, принимая характер демонстраций и стачек протеста против установленного в стране режима военной диктатуры.

Все более широкие слои пакистанского народа убеждаются в том, что блок империализма с внутренней реакцией является главным препятствием на пути решения важнейших общенациональных задач, стоящих перед страной. Они начинают все лучше понимать насущную необходимость избавления страны от экономической и политической зависимости от иностранного империализма, интересы которого несовместимы с интересами всех народов, в том числе недавно добившихся своей национальной независимости.

Широкие массы трудящихся Пакистана все яснее осознают тот факт, что искренними, верными друзьями всех народов, освободившихся или борющихся за освобождение от империалистического ига, являются Советский Союз и другие страны великого лагеря социализма, считающие «своим интернациональным долгом помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы»³⁶.

Существование могучей мировой системы социализма и ослабление империализма открывают народам освободившихся и освобождающихся от колониального рабства стран перспективу национального возрождения, ликвидации вековой отсталости и нищеты.

³⁴ «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 5, стр. 100.

³⁵ „Pakistan Times“, 2 July 1961, 11 February 1962.

³⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 51.

С. И. Тансыкбаева, Ф. Г. Волохонская

**АМЕРИКА КАПИТАЛИНИНГ ПОКИСТОНГА ЭКСПАНСИЯСИ
(1950—1961)**

Мақолада Америка капиталининг 1950—1961 йилларда Покистонга суқилиб кириши ҳақида гап юритилади. Авторларнинг таъкидлашича, Покистон экономикаси асоратга тушиши билан бир қаторда, мамлакат сиёсий жиҳатдан ҳам уни ҳарбий блоклар сирмоғига сириб қўйган АҚШ империализмига тобора қарам бўлиб бормоқда. Америка капитали юритаётган талончилик сиёсат ҳамда мамлакатнинг милитарлаштирилиши орқасида Покистоннинг иқтисодий аҳволи борган сари ёмонлашмоқда, халқ оммасининг турмуш даражаси пасайиб бормоқда. Бу эса халқнинг мамлакат ички ва ташқи сиёсатини Америка империалистлари билан тил бириктириб юритаётган ҳукмрон доиралардан норозилигининг кун сайин ортишига сабаб бўлмоқда.

Д. Я. ОЧИЛЬДИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ВНУТРЕННИЕ РЕФОРМЫ В АФГАНИСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Афганистан, занимающий важное военно-стратегическое положение на подступах к Средней Азии, Индии и Персии, издавна играл большую роль в захватнических планах Великобритании.

В течение XIX в. эта страна дважды подвергалась вооруженной интервенции со стороны британских колонизаторов. Благодаря мужественной борьбе афганского народа главная цель Англии — превращение Афганистана в свою колонию — не была достигнута. Однако англичанам удалось отторгнуть значительные земли, населенные афганцами, и установить контроль над внешней политикой Афганистана.

Зависимое положение и тяжесть борьбы против британских колонизаторов отрицательно сказывались на экономическом, политическом и культурном развитии страны. Этим, прежде всего, и объясняется тот факт, что в начале XX в. Афганистан все еще оставался крайне отсталой страной с глубокими пережитками феодальных и дофеодальных отношений.

Однако засилие британских колонизаторов не могло полностью парализовать поступательное развитие афганского общества. На рубеже XIX—XX вв. в Афганистане наблюдаются некоторые сдвиги в развитии производительных сил и создаются социально-экономические предпосылки для образования централизованного государства феодально-абсолютистского типа.

Создание политически единого государства оказало благоприятное влияние на экономическое развитие страны. В начале XX в. в Афганистане было построено несколько полукустарных коженно-обувных и шерстоткацких предприятий, сооружена гидроэлектростанция в Джабаль ус-Сирадже, проведены значительные работы по расширению и модернизации первенца афганской промышленности — военно-механического завода «Машин-хана». Несколько крупных городов (Кабул, Кандагар, Джалалабад) были соединены телеграфом¹.

Одновременно был принят ряд мер к улучшению и оживлению внутренней и внешней торговли. Вводится практика государственного кредитования купцов, «чтобы избавить их от чудовищного процента ростовщиков»². Продолжаются попытки Абдурахман-хана (1880—1901) ввести в стране единую систему мер и весов³. Началось

¹ Ali Mohammad, Afghanistan, An historical scetch, „Historical society of Afghanistan“, N 46, p. 20.

² А. Гамильтон, Афганистан, пер. с англ., СПб., 1908, стр. 137-138.

³ ЦГВИА СССР, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, л. 3725, л. 261, 263.

интенсивное благоустройство дорог и даже приспособление их к автомобильному движению⁴.

Все это вместе с некоторыми мероприятиями Хабибуллы-хана по уменьшению торговых пошлин и ликвидации ряда эмирских монополий способствовало расширению внутреннего и особенно внешнего товарооборота. Так, общий оборот афгано-индийской торговли с 1901 по 1907 г. увеличился более чем вдвое⁵, а объем русско-афганской торговли с 1903 по 1913 г. возрос более чем в три раза⁶.

В торговые операции все активнее включается часть помещиков, связанных с торговым земледелием, и крупных чиновников. Постепенно в стране образуется относительно значительная прослойка национальной торговой буржуазии.

Однако на пути дальнейшего развития Афганистана и деятельности молодой национальной торговой буржуазии, стремившейся к расширению торговли и безраздельному господству на афганском рынке, стояли серьезные препятствия, обусловленные внутренним и международным положением страны. Эти препятствия ведут к обострению социальных противоречий в афганском обществе.

Несмотря на некоторые сдвиги в экономике, Афганистан продолжал еще оставаться отсталой аграрной страной. Население его состояло в подавляющем большинстве из крестьян (оседлых земледельцев и кочевников), которые жестоко эксплуатировались помещиками и племенной верхушкой. Крайняя техническая отсталость, глубокие пережитки родо-племенных отношений, феодальная собственность на землю, система натуральных налогов и феодальных повинностей, сохранение внутренних таможен, произвол ханов и чиновников, автократический режим эмира сковывали развитие капиталистических отношений и образование единого общафганского рынка.

Особенно отрицательную роль играла зависимость Афганистана от Англии. Изолировав эту страну от внешнего мира, британские колонизаторы стремились законсервировать здесь феодальные отношения. В 1905 г. Англии удалось навязать Хабибулле-хану новый договор, подтверждавший основные статьи кабального Гандамакского соглашения 1879 г.⁷ Хотя Афганистан в начале XX в. был одной из немногих стран Востока, где не имелось прямых вложений иностранного капитала и долгов по иностранным займам, тем не менее индийская агентура британского капитала оказывала большое влияние на состояние афганского рынка, а через него и на всю хозяйственную жизнь страны. Представители национального торгового капитала не могли конкурировать с англо-индийскими купцами⁸.

В среде правящей верхушки страны имелась сильная политическая группировка английской ориентации, представители которой занимали ключевые позиции в государственном аппарате. Она выражала интересы крупных купцов, торговавших с Индией, и придворных кругов, заинтересованных в получении английской субсидии. Лидером этой группировки был двоюродный брат эмира Ахмед-Али-хан.

Серьезным препятствием на пути развития Афганистана были и отживающие силы средневековья — феодально-клерикальные элементы,

⁴ «Сирадж уль-ахбар», 1913, № 23.

⁵ Н. М. Гуревич, Внешняя торговля Афганистана до второй мировой войны, М., 1959, стр. 16.

⁶ И. М. Рейснер, Афганистан, М., 1929, стр. 134.

⁷ Руи р, Последний англо-афганский договор, пер. с франц., «Туркестанский сборник», т. 442, Ташкент, стр. 100.

⁸ А. С. Jewet, An american engineer in Afghanistan, Minneapolis, 1948, p. 42.

объединившиеся в политическую группировку и называвшие себя «староафганцами». Они ожесточенно сопротивлялись всему новому и находились в оппозиции к эмирскому правительству, критикуя Хабибуллу-хана даже за те новшества, которые он столь нерешительно вводил в стране. Но с еще большим ожесточением боролись они против прогрессивных кругов, выступавших за проведение внутренних реформ и освобождение страны от иностранного диктата.

«Староафганцы» выступали за освобождение страны от английской опеки, но не для того, чтобы повести Афганистан по пути реформ и прогресса. Они стремились насадить в стране «истинную веру отцов» и в борьбе за освобождение от иностранной зависимости возлагали особые надежды на германо-турецкую помощь. Их лидерами были брат эмира Насрулла-хан, наследник престола Инаятулла, видный представитель духовенства Абдул-Резик-хан.

Отражением глубоких социальных противоречий в афганском обществе было растущее недовольство самых широких слоев народа. «Нарастало движение протеста, во главе которого... встала передовая часть интеллигенции, купечества и офицерства»⁹. Участники этого движения, известные под названием «младоафганцев», выражали интересы национальной торговой буржуазии и выступали за проведение внутренних реформ в стране, развитие светского образования, создание собственной промышленности, расширение внутренней и внешней торговли, организацию торгово-промышленных обществ и кампаний, «приносящих пользу как их участникам, так и государству»¹⁰.

Главное препятствие на пути своих устремлений они видели в зависимости страны от Англии и деспотическом правлении эмира Хабибуллы. Поэтому они выступали за освобождение от иностранной зависимости и создание режима конституционной монархии.

Уже в конце 1904 г., во время пребывания в Афганистане миссии Дэна, англичане столкнулись с новыми веяниями в стране. «К сожалению, положение усугублялось тем, — пишет английский публицист Гамильтон, имея в виду неудачи англо-индийской миссии, — что развитие Афганистана привело к появлению везде среди афганцев чувства необходимости признания независимости их страны, а подчиненное положение Афганистана, как государства-протектората, должно быть ликвидировано окончательно и формально»¹¹.

Русская революция 1905—1907 гг. и рост под ее влиянием национально-освободительного движения в странах Востока способствовали активизации политической мысли в Афганистане, которая испытывала на себе огромное влияние антиимпериалистических и антифеодальный идей более передовых стран «пробудившейся» Азии.

Несмотря на суровые меры эмирского правительства, идеи конституционного движения в Иране, младотурецкого переворота и освободительного движения в Индии постепенно проникают в «запретную страну».

Придя к власти, Хабибулла-хан особым фирманом (указом) разрешил афганским эмигрантам, изгнанным при Абдуррахмане, вернуться на родину. Среди эмигрантов было немало людей, разделявших освободительные идеи того времени. Возвратившись на родину, они стали пропагандировать эти идеи среди своих соотечественников.

⁹ А. Х. Бабаходжаев, Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре, Ташкент, 1957, стр. 36.

¹⁰ «Сирадж уль-ахбар», 1916, № 4.

¹¹ А. Hamilton, *Problem of the Middle East*, London, 1909, p. 258.

В Афганистан проникает также много деятелей национально-освободительного движения из других стран. Некоторым из них, главным образом мусульманам, Хабибулла, показывая свой якобы либерализм и мнимую независимость, предоставлял политическое убежище¹². Проводниками новых веяний были и приглашенные на службу в Афганистан индийцы из лиц свободных профессий.

Новые идеи получали живой отклик среди передовой молодежи, офицерства, некоторой части помещиков и чиновников.

Центром передовой общественно-политической мысли становится лицей «Хабибие», основателем (1903) и руководителем которого был находившийся на службе афганского правительства индус — доктор Абдул-Гани. Вместе с двумя своими братьями он выступал в качестве идейного руководителя младоафганцев.

Движение за реформы и независимость страны постепенно разрасталось. Большинство его участников объединилось в тайную политическую организацию «Машрута» («Конституционализм»). На политической арене страны появляются сотни афганских патриотов, призывавших к борьбе за конституционное правление, против английского господства. «Пришло начало настоящей политической агитации», — замечает афганский историк Икбал-Али-шах¹³.

Эта агитация получила особый размах, когда афганская общественность узнала об англо-русском соглашении 1907 г., по которому царская Россия признавала Афганистан «вне сферы русского влияния» и обязывалась «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредством британского правительства»¹⁴. Тем самым значительно усилилась угроза независимости афганского народа со стороны империалистов Англии.

Обнаруженные нами новые архивные документы свидетельствуют о том, что движение за внутренние реформы и независимость страны, возглавляемое младоафганцами, носило более широкий характер, чем это представлялось ранее в нашей исторической литературе. Оно охватывало в определенной степени почти всю страну. В середине сентября 1907 г., например, во многих городах Северного Афганистана (Мазари-Шериф, Ташкурган и др.) распространялись прокламации, в которых говорилось; «Жители Афганистана! Уже давно во многих мусульманских государствах устроен представительный образ правления. Вы одни только спите. Между Россией и Англией давно заключено тайное соглашение разделить Афганистан между собой. Если вы будете спать, то погибнете. Проснитесь, афганцы, и требуйте учреждения меджлиса, а помощь вам всегда окажут»¹⁵.

Относительно более активное движение за конституцию наблюдается в Гератской провинции, граничившей со Средней Азией и Ираном. Сюда проникало много деятелей революционного движения из соседних стран, и именно здесь раздавались прямые призывы к свержению Хабибуллы «ввиду сильной приверженности эмира к ференги (англичанам. — Д. О.)». По свидетельству источников, «проповеди эти глубоко западают в душу угнетаемых племен»¹⁶.

Освободительные идеи проникают и в армию — опору эмирского режима. Причем, помимо передовой части офицеров, эти идеи находят сторонников и среди рядовых солдат. Об этом свидетельствуют

¹² См. газ. «Русская земля», 1908, № 655.

¹³ Ikbāl-A'ī-Shāh, The tragedy of Amanullah, London, 1933, p. 92.

¹⁴ История дипломатии, т. II, М., 1945, стр. 174.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 150, л. 5.

¹⁶ ЦГВИА СССР, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3681, л. 172 об.

многочисленные устрашающие приказы эмира по гарнизонам страны. В одном из них, например, говорилось: «В войсках не должно быть никаких толков, разговоров и пересудов о «машрута» (конституции) и тому подобных глупостях... При малейшем признаке ослабления дисциплины, проявления свободомыслия и брожения среди офицеров и нижних чинов виновные будут наказаны смертной казнью»¹⁷.

Иногда движение за внутренние реформы и независимость страны перерастало в открытое выступление против существующего режима. Например, в ряде мест «произошли беспорядки... в связи со слухами о конституции», а в г. Маймане зачинщики волнений были подвергнуты смертной казни¹⁸.

Следует подчеркнуть, что для младоафганцев в общем не была типичной апелляция к народу. Упомянутые выше лица, агитировавшие за конституцию, принадлежали, видимо, к крайнему левому крылу младоафганцев¹⁹. Поскольку в своем подавляющем большинстве младоафганцы были выходцами из знатных афганских родов и считали, что «контроль над государственными делами может осуществляться только избранным мыслящим меньшинством»²⁰, для них был более характерен путь тайной оппозиционной борьбы против эмира, стремление убедить его в необходимости реформ и освобождения страны от английской зависимости. Не выступая открыто против эмира, они большей частью ограничивались тогда «анонимными письмами к эмиру, требуя от него в вежливых выражениях удовлетворения их стремлений». В лучшем случае, некоторые из них угрожали расправой над эмиром²¹.

Правительство Хабибуллы было крайне встревожено нарастанием демократического движения в стране и принимало все меры к его подавлению. Под страхом смертной казни была запрещена всякая антибританская пропаганда и разговоры о конституционном правлении.

Чтобы отвлечь народ от демократических идей, эмир утверждал, что причиной брожения среди афганцев является якобы деятельность еретиков — персов-шиитов, которые уже свергли своего шаха. Начались открытые гонения против персов, проживавших в Афганистане. Хабибулла рассылал фирманы, запрещающие им «всякие сборища, тайные сношения и переговоры между собой»²². При благосклонном попустительстве и даже явном подстрекательстве властей обостряются отношения между суннитским большинством афганцев и персами-шиитами, которые местами выливаются в жестокие погромы персов²³.

Одновременно эмир резко усилил систему шпионажа и доносов, которая «легла тяжелым гнетом на население Афганистана, разбивая даже семейную жизнь»²⁴.

¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 15 (1910), л. 113.

¹⁸ Там же, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 980, л. 389.

¹⁹ Весьма скудные данные о младоафганцах затрудняют наше суждение о различных течениях в их рядах. Однако можно с уверенностью сказать, что это движение не было однородным. Имеются сведения о вступлении некоторых младоафганцев в непосредственный контакт с массами. Так, в «Сирадж уль-ахбар» сообщалось, что некий Мухаммад-Азим-хан «сошелся и сговорился с несколькими босяками, бродягами... и ничего не имущими (т. е. простым народом. — Д. О.), чтобы свергнуть эмира». См. «Сирадж уль-ахбар», 1914, № 9.

²⁰ Д-г. A b d u l G h a n i, A Review of political situation in Central Asia, Lahor, 1921, p. 91.

²¹ Там же, стр. 84—85.

²² ЦГВИА СССР, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 449, л. 75.

²³ Там же, д. 3680, л. 152—152 об.

²⁴ «Туркестанский сборник», т. 496, стр. 109.

В марте 1909 г. эмиру удалось раскрыть подпольную организацию младоафганцев и арестовать ее лидеров — Абдул-Гани, его брата, Мухаммад Чараха, Музафар-хана и др. Семеро из них были немедленно преданы казни²⁵. В стране начинаются страшные репрессии против участников реформаторского движения. «Свыше 85 казней было совершено в одном лишь Кабуле... Но подозрительный эмир нашел виновных и в Джалалабаде, и в Герате, и в Кандагаре»²⁶. В связи с участием офицеров в заговоре «были разоружены 4 палтана (полка) кабульского гарнизона... и произведена масса арестов в войсках»²⁷.

Однако никакие репрессии не могли остановить движения прогрессивных кругов страны. Место арестованных и казненных лидеров движения занимали новые люди. Это идеолог младоафганцев, видный литератор и политический деятель Махмуд Тарзи, Абдулхади-хан и др.

Теперь младоафганцы возлагали особые надежды на молодого принца Аманулла, всецело разделявшего их взгляды. Наиболее решительная часть их взяла курс на свержение Хабибуллы путем покушения на его жизнь, стремясь возвести на трон его третьего сына (не наследника престола) Аманулла-хана.

Относительно более радикальный и целеустремленный характер движения в пользу конституции и независимости страны в этот период явился следствием дальнейшего обострения социальных противоречий в Афганистане накануне и особенно в период первой мировой войны.

Во второй половине своего правления Хабибулла-хан почти полностью отходит от непосредственного управления делами государства. Постепенно происходит полное разложение государственного аппарата, разъедаемого взяточничеством, казнокрадством и интригами. Повышение налогов усилило обнищание и разорение крестьян и низших слоев городского населения. Это вызывает широкое недовольство масс, нередко перераставшее в открытые восстания (Кандагар, Хост, Кухистан)²⁸.

Нарушение прежних торговых связей Афганистана в результате мировой войны, усиление сепаратизма ханов и произвола чиновников вследствие ослабления центральной власти приводят к сужению внутреннего и внешнего рынков. А «монопольное положение британской Индии на афганском рынке повлекло за собой не только относительное, но и абсолютное усиление роли иностранных купцов и компраторов во внешней торговле Афганистана»²⁹.

Национальный торговый капитал нуждался в покровительстве со стороны государства и освобождении от иностранного засилья. Однако эмирское правительство, находившееся в состоянии полного разложения, было способно только на репрессии в отношении носителей свободомыслия.

В условиях жесточайшей реакции передовые люди Афганистана группируются вокруг газеты «Сирадж уль-ахбар», основателем (1911) и первым редактором которой был Махмуд Тарзи. На страницах этой газеты они проповедовали свои взгляды в завуалированной форме. «Сирадж уль-ахбар» сыграла большую роль в пробуждении нацио-

²⁵ Абдул-Гани, указ. соч., стр. 76.

²⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 15 (1909), л. 194.

²⁷ Там же, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3684, л. 41.

²⁸ См. ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 1725, л. 12.

²⁹ Н. М. Гуревич, указ. соч., стр. 155.

нального самосознания афганцев. «Задача газеты, — писалось в одном из ее номеров, — будить национальное сознание»³⁰.

На основе материалов единственного печатного органа — «Сирадж уль-ахбар», — где младоафганцы могли публично (разумеется, в определенных рамках) высказывать свои мысли, можно отметить некоторые характерные стороны их общественно-политических взглядов.

Лейтмотивом всей газеты был антиколониализм, стремление приобрести национальную независимость. Для полного освобождения от оков колониализма младоафганцы считали необходимым создание экономически сильного государства. «Если будут основаны 10—15 фабрик, удовлетворяющие всевозможные потребности паши, тогда наша чистая родина окрепнет у себя дома...»³¹.

Большое внимание уделяли они и нравственному воспитанию своих соотечественников, пробуждению у них чувства патриотизма и национального единства. Характерно, что в этой пропаганде пуштунские племена, проживавшие в британской Индии, рассматривались как «принадлежащие к племенам и землям Афганистана»³². Однако первостепенное значение младоафганцы придавали развитию светского образования, видя в нем решающий фактор преодоления средневековой отсталости и обретения независимости страны. «Нужны сотни школ для миллионов детей, — заявляли они, — чтобы проснулся в афганцах дух свободы»³³.

Общественно-политические взгляды младоафганцев в целом были несомненно отражением исторической необходимости и объективно соответствовали в рассматриваемый период общенациональным интересам афганцев.

Борьба за претворение этих идей особенно активизировалась в последние годы мировой войны. Этот период характеризуется резким обострением внутриполитического положения в Афганистане. Зависимость эмира от Англии еще более возросла. Он слепо следовал указаниям англо-индийского правительства, тогда как почти все слои афганского общества считали, что наступил благоприятный момент для выступления против английского господства.

В Кабул непрерывно прибывали делегации от племен Северо-Западной пограничной провинции Индии, военных гарнизонов, представителей духовенства, студентов, купечества и т. д. Все они требовали объявить войну британским колонизаторам. «Эмир был один против большинства... и стал человеком, на которого паши больше не надеялась», — резюмирует обстановку того времени Икбал-Али-шах³⁴.

В этих условиях младоафганцы, которые еще ранее «поклались расправиться с эмиром»³⁵, решили привести свои планы в исполнение. В конце 1918 г., в день рождения эмира, на него было совершено покушение. Однако оно оказалось неудачным. Виновиком его был объявлен молодой человек по имени Абдуррахман, воспитанник колледжа «Хабибие», а затем сотрудник газеты «Сирадж уль-ахбар» (характерно, что он был сыном человека, арестованного в 1909 г. по делу Абдул-Гани). Как соучастники заговора были арестованы

³⁰ «Сирадж уль-ахбар», 1916, № 2.

³¹ «Сирадж уль-ахбар», 1916, № 4.

³² «Сирадж уль-ахбар», 1914, № 9.

³³ «Сирадж уль-ахбар», 1916, № 5.

³⁴ Икбал-Али-шах, указ. соч., стр. 91—92.

³⁵ Абдул-Гани, указ. соч., стр. 86.

Абдулхади и некоторые другие молодые сотрудники редакции «Сирадж уль-ахбар»³⁶.

В ответ на покушение последовали новые репрессии. Политическая атмосфера в стране накалилась до предела. Она разрядилась лишь через несколько месяцев. В ночь с 19 на 20 февраля 1919 г. Хабибулла-хан был убит, и к власти пришли младоафганцы во главе с сыном эмира Аманулла-ханом. Они провозгласили Афганистан свободным и суверенным государством. Английский империализм вновь развязал агрессию против Афганистана, однако свободолюбивый афганский народ, опираясь на братскую поддержку Советской России, с оружием в руках отстоял в упорной борьбе независимость своей страны.

Д. Я. Очильдиев

XX АСР БОШИДА АФҒОНИСТОНДА МИЛЛИЙ МУСТАҚИЛЛИК УЧУН ОЛИБ БОРИЛГАН КУРАШ ВА УТҚАЗИЛГАН ИСЛОҲОТЛАР ТАРИХИДАН

Мақолада XIX аср охири ва XX аср бошларида Афғонистонда мавжуд вазият, ўша давр афғон жамияти илғор қисмининг ички ислоҳотлар ҳамда мамлакат мустақиллиги учун олиб борган кураши ҳақида гапирилади. Шу муносабат билан автор ёш афғонлар ҳаракати вакилларининг қарашлари ва фаолиятларини, уларнинг британиялик мустамлакачилар билан яқин муносабатда бўлган Ҳабибуллахон ҳукуматига қарши олиб борган курашларини ёритиб беради.

³⁶ Абдул-Гани, указ. соч., стр. 87.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НИЗОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА

Историю географического изучения низовьев р. Зеравшан, как и всей Средней Азии, следует разделить на три крупных периода: 1) до присоединения Средней Азии к России, 2) от присоединения к России до победы Октябрьской революции и 3) советский период.

Первые сведения о территории Бухарского оазиса (низовьев р. Зеравшан) мы находим в работе крупного историка X в. Абу Бакир Мухаммед ибн Джафара Наршахи (ум. в 959 г.). Его труд «История Бухары»¹ является важнейшим источником по истории и топографии Бухары. В нем приводятся сведения о болотистых низинах и тугаях, о птицах Бухарского оазиса и т. д.

В 1333 г. Хиву, Бухару и Самарканд посетил знаменитый арабский путешественник Ибн Батута, подробно описавший эти города и частично растительный мир Бухарского и Хорезмского оазисов.

В 1403 г. в Бухаре побывал посол Испании Клавихо, оставивший интересные сведения о природе данного района и вообще Средней Азии.

Начиная с середины XVI в. ведущее место в географическом изучении Средней Азии занимают русские путешественники, послы, купцы и др. В этот период расширяются торговые и дипломатические отношения между Россией, Бухарией и Хивой. В 50-х годах XVI в. правители Хивы и Бухары прислали к Ивану Грозному своих послов для заключения торгового договора. В XVII в. с этой же целью из России в Среднюю Азию было отправлено несколько посольств и торговых караванов. Первое русское посольство под начальством Ивана Хохлова посетило Хиву и Бухару в 1620 г.

В 1717 г. Петр I организовал экспедицию Беконича-Черкасского, который прошел от Астрахани до низовьев Аму-Дарьи, первым проникнув в глубь Средней Азии. Много сведений по географии и этнографии Бухарского ханства оставил посол Петра I Флорин Беневени (1721—1725).

В конце XVIII в. Филипп Ефремов, находившийся в плену у бухарцев, собрал некоторые географические сведения о Бухаре, изложив их в своей книге «Девятилетнее странствование». В ней даются некоторые сведения о рельефе и растительности низовьев Зеравшана и описывается столица ханства.

Многие исследователи считают, что начало настоящему географическому изучению низовьев р. Зеравшан было положено исследованиями ученого-натурлиста Э. А. Эверсмана. В 1820 г. он отправился в Бухару с посольством А. Негри. В этой экспедиции участвовали также офицеры русского генерального штаба Мейендорф и Пандер.

В 1840 г. Бухарский оазис посетили известный востоковед Н. Б. Ханьков и натуралист А. Лемани, входившие в состав экспедиции инженера Бутенева. Бутенев собрал некоторые данные географического характера, особенно по геологии Кызылкумов и долины Зеравшана. Н. Б. Ханьков оставил большой труд «Описание Бухарского ханства».

Одновременно с экспедицией Бутенева в Бухару прибыла английская экспедиция Артура Конолли. Однако бухарский эмир предал смертной казни разведчиков Конолли и его спутника Столарда; их богатые записи и гербарии были уничтожены и только часть гербария попала в руки членов русской миссии.

Во второй половине XIX в. в судьбах Средней Азии произошли крупные события — Средняя Азия была присоединена к России. С этого времени начинается период более систематических исследований природы края, в том числе низовьев Зеравшана.

Весной 1856 г. в Среднюю Азию совершил путешествие знаменитый географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Его открытия и исследования в Тянь-Шане имели огромное научное значение и положили начало ряду русских экспедиций в Среднюю Азию. В 1888 г. П. П. Семенов-Тянь-Шанский осуществил экскурсию в Асхабад, Чарджуй, Бухару, Самарканд, Джизак и Ташкент. Оз-

¹ Мы пользовались изданием 1897 г.

накормление с равнинами и оазисами Средней Азии позволило ему высказать ряд интересных мыслей о природе и экономическом развитии края.

В 1869—1870 гг. по Зеравшанской долине путешествовал замечательный географ А. П. Федченко. Его исследования средней части и верховьев Зеравшана имели большое значение для дальнейшего географического изучения Зеравшанской долины в целом.

Весной и летом 1872 г. южную часть Кызылкумов и Бухарского оазиса посетил А. Х. Хорошкин. Зная местный язык, он сумел собрать интересные сведения об истории и населении Бухарского оазиса и Южных Кызылкумов.

С 1887 г. начинается новое направление в изучении равнинной части Средней Азии, связанное с проведением железной дороги и задачами практического освоения края.

В 1877 г. В. А. Обручев провел большие работы по изучению геологии равнин Средней Азии. Важную роль в геологическом изучении Средней Азии сыграли исследования И. В. Мушкетова. В 1880 г. геологические исследования в бассейне нижнего и среднего течения р. Зеравшан проводил Г. Д. Романовский. Из работ дореволюционного периода по геологическому изучению низовьев Зеравшана особое значение имели исследования П. М. Василевского (1915 г.).

Почвы низовьев Зеравшана до советского периода не подвергались подробному изучению. Лишь отдельные почвоведы (С. С. Неуструев, Н. А. Димо, В. В. Никитин, Л. Л. Ношин, М. А. Орлов и др.), исследуя равнинную часть Узбекистана, проводили в 1908—1912 гг. ориентировочные подсчеты площади почв низовьев реки и их пригодности для орошения.

До Октябрьской революции Зеравшанская долина была слабо изучена и в гидрологическом отношении. Лишь в 1912 г. А. В. Чыплыгиным были проведены гидрологические исследования долины, включая ее низовья.

Не получили тогда должного развития и ботанические исследования. Ботаник Э. Регель посетил бассейн Зеравшана четыре раза, но лишь весной 1884 г. он пересек равнинную часть долины от Самарканда через Кермине, Бухару, Каракуль до Фараба.

В 1899—1902 гг. Н. В. Андросов собрал ценный гербарий вдоль железной дороги от Самарканда до Каракуля и Фараба.

В 1913 г. в долине Зеравшана и окрестностях Бухары работал ботаник М. Г. Попов, а в 1915 г. в районе Махандарь по бывал М. В. Культиасов с целью изучения экологических типов растительности Кызылкумов.

В 1873—1874 гг. крупный зоолог М. Н. Богданов в составе Аму-Дарьинской экспедиции посетил Кызылкумы и составил

в результате двухлетних путешествий «Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум» (1882), дающие общее представление о природе Хивинского оазиса и пустыни Кызылкум.

В изучении фауны пустынь Средней Азии дореволюционного периода крупный след оставил Н. А. Зарудный.

Таким образом, после присоединения Средней Азии к России географические исследования низовьев р. Зеравшан значительно расширились, но оставалось еще очень много нерешенных вопросов.

Задачи, масштабы, характер и методика географических исследований в Средней Азии в корне изменились после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти, когда изучение природы и естественных ресурсов страны стало важным государственным делом.

В первые годы Советской власти в связи с острой потребностью сельского хозяйства и промышленности в воде были начаты гидрогеологические и гидрологические исследования, связанные с изысканием возможностей водоснабжения городов, электростанций и промышленных предприятий. В 1922 г. в низовьях Зеравшана работал А. К. Кульчицкий, выяснявший возможности получения артезианских вод для Старой и Новой Бухары.

Широкие гидрологические исследования в низовьях Зеравшана были проведены в 1924—1926 гг. П. И. Бутовым, а в 1928—1930 гг.—И. М. Решеткиным, М. А. Шмилтом и др.

На базе использования подземных вод в Кызылкумах возникло 13 оазисов артезианского орошения; бесплодные пески превращались в плодородные почвы, дающие хороший урожай.

Значительную работу по гидрологическому изучению низовьев р. Зеравшан провели Министерство водного хозяйства УзССР и Институт «Узгипроводхоз». На основе выполненных ими проектов были построены Хархорская и Каракульская вододелительные плотины, Кую-Мазарское водохранилище, Вабкентский, Шахрудский, Джилянванский и другие каналы.

Из крупных экспедиций советского времени в низовьях Зеравшана следует отметить Таджикско-Памирскую экспедицию. В 1930 г. один из ее отрядов вел геологические исследования в районе оз. Денгизкуль, где работали А. И. Дзэнс-Литовский и А. Г. Бергманн.

Геологические исследования в низовьях Зеравшана осуществляли И. П. Герасимов, П. К. Чихачев, С. И. Ильин, А. С. Аделунг, Л. К. Жуковский, К. А. Стиради, А. Г. Бабаев и многие другие.

В результате широких и планомерных исследований в низовьях Зеравшана были выявлены крупнейшие в Советском Союзе месторождения газа. Бухарский газ получают

не только предприятия республик Средней Азии, но и Южного Урала.

Первое геоморфологическое описание низовьев Зеравшана принадлежит Н. Л. Корженевскому, составившему в 1924—1925 гг. «Краткий орографический очерк Бухары».

Многое сделано за последние годы для правильного истолкования генезиса и развития пустынь Кызылкум Б. П. Федоровичем, П. С. Макеевым, М. П. Петровым и др. Они изучали главным образом вопросы развития и режима песчаных пустынь, их водный режим, пути освоения и методы борьбы с движущимися песками.

Дальнейшее развитие социалистического хозяйства потребовало глубокого изучения климата низовьев Зеравшана. В этих целях был создан ряд метеостанций — в Карахуле, Кагане, Шафрикане, Кермине (Навои). На основе данных, получаемых от этих станций, проводятся агроклиматические исследования.

Большую роль в изучении низовьев Зеравшана сыграли работы В. А. Бугаева, Л. Н. Бабушкина (1960), В. А. Джорджио, А. В. Хасимова (1959) и др.

В целях расширения посевных площадей в низовьях Зеравшана интенсивные исследования почвы проводили М. А. Орлов, П. В. Кимберг, А. З. Генцусов, Б. В. Горбунов, Н. А. Буцков. Процессы засоления почв данного района исследовал В. А. Ковда.

Растительность низовьев р. Зеравшан изучалась прежде всего в целях выявления экономически важных и лекарственных растений, пастбищно-кормовых угодий, растений, пригодных для закрепления сыпучих песков, и т. д.

Значительные исследования по изучению растительности юга Кызылкумов, в том числе низовьев Зеравшана, провели сотрудники ТашГУ М. Г. Попов, Е. П. Коровин, П. И. Гранитов и др.

Изучением растительности низовьев Зеравшана в пастбищно-кормовом направлении занимались К. З. Закиров, В. А. Бурыгин, И. Ф. Момотов, А. Д. Ли и др.

Итогом многолетних исследований явилась большая работа К. З. Закирова «Флора и растительность бассейна реки Зеравшан» (1955), которая признана крупным вкладом в изучение типологии растительности Средней Азии.

Существенные успехи в изучении кормовых ресурсов и обводнении пустынных пастбищ низовьев Зеравшана достигнуты коллективами Института животноводства и пастбищно-мелноративно-строительного треста МСХ УзССР.

В советский период возникло новое направление ботанических исследований — изучение растений-пескоукрепителей. Этим занимается Шафриканский лесхоз в северной части Бухарского и Каракульского оазисов. На северо-западной границе Бу-

харского оазиса, в районе соприкосновения пустыни с культурными землями, создана лесная полоса протяжением 110 км. В Бухарской области ликвидированы все внутриазиатские пески и создан массив пустынных кустарников и древесных пород на площади 56,7 тыс. га.

Широко развернулись и фаунистические работы. В 1933—1935 гг. крупные зоологические исследования проводил Д. Н. Кашкаров. Наибольший интерес представляют зоологические исследования И. И. Колесникова и Т. З. Захидова, собравших новый материал по фауне Южных Кызылкумов.

Важным событием в истории географического изучения низовьев Зеравшана явилась организация в 1934 г. первой комплексной экспедиции САГУ (ныне ТашГУ). В течение ряда лет сотрудники университета вели широкие исследования Кызылкумов и собрали богатейший материал о природе этого района.

Из комплексных географических исследований необходимо отметить работы Т. В. Звонковой. В 1937—1940 гг. она проводила комплексные географические исследования в Юго-Западных Кызылкумах, по среднему течению Аму-Дарыи и в низовьях р. Зеравшан. В 1959 г. Т. В. Звонкова участвовала, а в 1960 г. руководила физико-географической экспедицией СОПС АН УзССР в Юго-Западном Узбекистане и низовьях Зеравшана (где работал и автор этих строк).

Разработанные после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. грандиозные планы развития сельского хозяйства Зеравшанской долины потребовали организации детальных и разносторонних исследований природных ресурсов этого района. С 1955 г. АН УзССР организует ряд комплексных экспедиций по географическому изучению долины. Эти работы возглавил З. М. Акрамов. В экспедициях участвовали Н. А. Гвоздецкий, Т. В. Звонкова, А. П. Ракипников, С. А. Ковалев, О. К. Замков и др. По материалам многолетних исследований Зеравшанской долины З. М. Акрамов опубликовал в 1961 г. монографию «География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей».

В рамках статьи невозможно перечислить все работы, проводившиеся за последнее время в низовьях Зеравшана. Однако лишь немногие исследования носили комплексный географический характер. А между тем, задачи крутого подъема сельского хозяйства в соответствии с историческими решениями XXII съезда партии требуют комплексного изучения пустынных районов Узбекистана, в том числе низовьев р. Зеравшан, тесной увязки этих исследований с практикой социалистического сельскохозяйственного производства.

М. Умаров

О ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ БУХАРСКОЙ НСР (1920—1924)

Одной из важнейших составных частей гениального ленинского плана построения социализма в нашей стране явилось осуществление глубокой культурной революции. Грандиозные задачи социалистического строительства требовали всемерного повышения культуры широких масс трудящихся, пробужденных Великим Октябрем к активной творческой деятельности во всех областях хозяйственного, государственного и культурного строительства новой жизни. Страна, многомиллионное трудовое население которой веками находилось в духовном рабстве, темноте и невежестве, должна была в исторически короткий срок совершить гигантский скачок к вершинам науки и культуры.

Строительство социализма и коммунизма не мыслимо без самого активного, сознательного творчества широких масс. Выступая на III съезде комсомола, В. И. Ленин указывал, что «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»¹.

Особенно важное значение имело осуществление культурной революции на национальных окраинах страны, в том числе в Узбекистане, унаследовавшем от феодально-колониального прошлого глубокую экономическую и культурную отсталость, ликвидация которой была необходимым условием успешного перехода ранее отсталых народов к социализму.

Как и во всей стране, в дореволюционной Бухаре образование было монополией господствующих классов, использовавших его как орудие порабощения и эксплуатации народных масс. Эмир и его саатрапы были злейшими врагами просвещения народа. И не удивительно, что в Бухарском ханстве, этом очаге реакции и мракобесия, свыше 98% населения оставались неграмотными и находились под сильным влиянием реакционного мусульманского духовенства, всячески стремившегося подавлять все новое, передовое, всякие ростки науки и знания.

В руках духовенства находились старые конфессиональные школы — мактабы и медресе. Они не давали учащимся никаких светских знаний, научного представления о явлениях природы и общественной жизни. Старометодный мактаб полностью отвечал политике «народного затемнения», упорно проводившейся эмиром и его сановниками.

Мало знаний давали учащимся и многочисленные «новометодные» школы, открывавшиеся на средства родителей учащихся, контингент которых составляли в основном дети из зажиточных семей.

Совершенная в сентябре 1920 г. народная советская революция опрокинула про-

гнивший кровавый режим эмирата и открыла перед трудящимися Бухары путь к новой, счастливой жизни. С помощью великого русского народа, братских народов Туркестанской АССР и других советских республик трудящиеся молодею Бухарской НСР, взяв власть в свои руки, приступили к восстановлению и развитию экономики и культуры, к подготовке необходимых условий для развертывания строительства социализма.

Осуществление этих грандиозных задач требовало прежде всего ликвидации тяжелого наследия прошлого — сплошной неграмотности трудового населения, без чего нельзя было осуществить подъем экономики и культуры БНСР, воспитать массы в духе сознательных борцов за социализм, упрочить Советскую власть и построить социалистическое общество.

В борьбе с массовой неграмотностью огромную роль сыграл ленинский декрет 1919 г. «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР», который начал осуществляться в Бухаре после победы сентябрьской революции 1920 г.

Ликвидация неграмотности населения БНСР стала одной из важнейших задач Бухарской Коммунистической партии и народной Советской власти, опиравшихся в этом деле на огромную помощь ЦК РКП(б), Советского правительства РСФСР, всех народов Советской страны.

В декабре 1921 г. была принята программа Бухарской Коммунистической партии, в которой говорилось: «Относительно взрослого населения, в массе совершенно необразованного, темного и безграмотного, необходимо, чтобы свет знания коснулся и его. С этой целью должно быть устранено величайшее для народа зло — безграмотность, затем должен быть предпринят ряд мер к просвещению»².

Бухарская Коммунистическая партия начала усиленную борьбу за ликвидацию неграмотности взрослого населения БНСР. На борьбу с неграмотностью были мобилизованы партийные, советские, комсомольские и другие общественные организации республики.

Непосредственной работой по ликвидации неграмотности взрослого населения Бухары руководил внешкольный отдел Народного назирата просвещения БНСР, в ведении которого находились все общеобразовательные школы для взрослых³. Наряду с ними открывались и курсы по ликвидации неграмотности — в учреждениях, на предприятиях, в войсковых частях, клубах, красных чайханах и т. д. Государство обеспечивало их необходимыми

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 272

² ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 42, л. 97.

³ Там же, ф. Р-56, оп. 1, д. 25, л. 20—28.

средствами, учебными принадлежностями, а также преподавателями.

Активное участие в создании школ и курсов ликбеза принимали сами трудящиеся городов и кишлаков БНСР. Они находили помещения для занятий, проводили сбор средств, учебников, письменных принадлежностей и т. п.

Уже в начале января 1921 г. в БНСР действовало 68 курсов ликбеза⁴. В 1922/23 г. на 11 курсах обучалось 538 человек, а в летний период на 12 курсах насчитывалось 472 слушателя⁵.

Курсы ликбеза переживали тогда тот же процесс развития, что и школьная сеть: их массовый рост шел без учета материальных возможностей и наличия культурных сил. В связи с быстрым ростом сети ликбеза Народный назират просвещения не всегда успевал контролировать их работу, особенно в Восточной Бухаре⁶.

Острая нехватка материальных средств, учебных пособий, преподавательских кадров, сопротивление антисоветских элементов, басмаческий разбой—все это создавало огромные трудности для работы по ликвидации неграмотности.

Однако Коммунистическая партия и Советская власть, опираясь на растущую тягу трудящихся масс к просвещению, все шире развертывали борьбу с неграмотностью, вовлекая в нее все партийные, советские и общественные организации, все культурные силы БНСР, особенно грамотную молодежь.

В резолюции IV курултая (съезда) БКП (1923 г.) подчеркивалось, что «первоочередной задачей партии являются учет всех неграмотных коммунистов и решительное проведение их через школы. Опорным пунктом ликвидации азбучной неграмотности как в городе, так и в кишлаке должны служить школы. Партии надлежит на организацию школ обратить все силы и средства. Необходимо использовать для этой цели детские школы ННП, при которых организовать вечерние курсы»⁷.

Отдел агитации и пропаганды ЦК БКП рассматривал ликвидацию безграмотности масс как свою ударную задачу и принимал все меры для укрепления и расширения сети ликбеза. Агитпроп предложил создать «постоянную комиссию при Назирате просвещения, которая и должна была поставить работу по ликвидации безграмотности»⁸.

В марте 1924 г. была создана Всебухарская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (как среди граж-

данского населения, так и в частях Бухарской Красной Армии)⁹. Повсеместно стали создаваться вилоятские, туменские и кентские чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности.

В апреле 1924 г. правительство БНСР издало декрет «Об обязательной учебе в школе ликбеза»¹⁰. Позднее был издан приказ, в котором говорилось: «Чтобы поднять политическое, экономическое и культурное положение республики, БКП и Советское правительство считают, что все работники учреждений и другие работники страны должны обязательно учиться в школах ликвидации безграмотности»¹¹.

Все эти мероприятия способствовали успешному развитию сети ликбеза в Бухарской НСР. К концу 1923 г. в БНСР действовал 21 курс ликбеза (охватывавший 865 человек), в том числе 12— в Старой Бухаре¹². В июле 1924 г. в республике было создано 12 ликпунктов, и на 152 курсах обучалось грамоте свыше 15 тыс. человек¹³.

Сеть ликбеза остро нуждалась в квалифицированных преподавателях. За неимением подготовленных кадров в качестве преподавателей школ и курсов ликбеза зачастую приходилось утверждать просто грамотных людей, незнакомых с методикой преподавания. Все это требовало форсированной подготовки кадров учителей и преподавателей школ ликбеза, и органы Назирата просвещения уделяли много внимания данному вопросу, а также разработке методики обучения взрослых на курсах ликбеза.

Ликвидация неграмотности взрослого населения БНСР сопровождалась развертыванием большой политико-просветительной работы в массах. Особое значение придавалось усилению культурно-политического просвещения трудящихся женщин, как важному фактору обеспечения их фактического раскрепощения и равноправия с мужчиной в семье и обществе.

Решительная борьба Коммунистической партии и Советской власти с неграмотностью трудящихся масс города и кишлака имела огромное значение в упрочении советского строя, развитии экономики и культуры Бухарской НСР.

Так создавались необходимые идеологические и культурные предпосылки для победы социализма. Изучение опыта культурного строительства в БНСР в 1920—1924 гг. представляет большой интерес и в наши дни, в период развернутого строительства коммунизма в СССР, который

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-56, оп. 1, д. 30, л. 11.

⁵ Там же, д. 135, л. 40.

⁶ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 872, л. 38.

⁷ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 715, л. 10.

⁸ Там же, д. 460, л. 2.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-56, оп. 1, л. 104, л. 13.

¹⁰ «Озод Бухара», орган БКП и БухЦИК, 7 апреля 1924 г.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-56, оп. 1, д. 96, л. 10.

¹² Там же, ф. Р-48, оп. 1, д. 182, л. 339.

¹³ Там же, ф. Р-56, оп. 1, д. 104, л. 13.

«явится завершающим этапом великой культурной революции»¹⁴, начавшейся в на-

шей стране с победой Великого Октября.
А. Уралов

ВЫДАЮЩИЙСЯ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ТЕХНИКИ (Выпрямление минарета медресе Улугбека)

Выпрямление северо-восточного минарета медресе Мирзы Улугбека (XV в.) почти не освещено в специальной литературе, если не считать статью проф. Я. Г. Гулямова, опубликованную в 1939 г. в журнале «Социалистик фан ва турмуш» («Социалистическая наука и жизнь») под названием «Миоранниг тикланиши» («Выпрямление минарета»). Как видно из лекций проф. М. Е. Массона «Воспоминание участника выпрямления с.-в. минарета медресе Мирзы Улугбека»¹, это реставрационное мероприятие еще не получило должного освещения в нашей литературе. А между тем, изучение этого замечательного опыта представляет большой научный интерес.

Как известно, вопрос о северном минарете в фасаде медресе Мирзы Улугбека и его сохранении «путем каких-либо приспособлений» был поднят еще в дооктябрьский период представителями передовой русской интеллигенции, в частности самаркандским археологом В. Л. Вяткиным. Будучи зрителем памятников древности в г. Самарканде, В. Л. Вяткин заметил в январе 1916 г. «расширение между минаретом и прилегающей к нему стеной фасада и большую трещину с сдвигом в облицовке панелей минарета». Он подал рапорт самаркандскому военному губернатору с просьбой «назначить комиссию для освидетельствования минарета», чтобы «определить степень устойчивости минарета, возможность его дальнейшего сохранения»². Однако решение этого вопроса было невозможно в условиях царизма вследствие холодного, а порою враждебного отношения колониальной администрации к памятникам местного зодчества³.

После победы Октябрьской революции архитектурные памятники, как и все сокровища культуры народов нашей страны, стали всенародным достоянием и были взяты под государственную охрану⁴. Особое внимание было уделено катастрофическому состоянию отдельных, наиболее ценных памятников старины, в том числе минарета медресе Улугбека, вершина которого к тому времени отклонилась от вертикали на 1,8 м. На средства, выделенные Самаркандским горсоветом в 1918 г., это наклонение было приостановлено путем применения железных тросов, притянутых к врытым в землю деревянным якорям⁵.

Работы по поддержанию и реставрации минарета несколько оживились после образования в 1919 г. Самаркандской комиссии по охране памятников старины под председательством известного художника О. Татевосяна. Комиссия установила вес (800 т) и общую высоту (36 м) минарета, неоднократно обсуждала вопрос о его участии, составляла различные проекты выпрямления минарета и т. д.⁶

Вопрос о минарете медресе Улугбека обсуждался и на заседаниях Туркомстариса, созданного по решению правительства ТАССР в мае 1921 г.⁷ Многие специалисты утверждали тогда, что выпрямить минарет невозможно, что стоит к нему притронуться, как он тотчас же рухнет, и т. д.⁸ Отдельные специалисты, в том числе инженер Б. Н. Кастальский, считали, что минарет следует разобрать по частям,

а также ср.: *توقوتوچى*, 31—32, 1926, 46—45, 1928, *عينى سمرقند شهرى*, *صاهيفه لار*

⁴ См. М. П. Ким, 40 лет советской культуры, М., 1957, стр. 35.

⁵ См. М. Е. Массон, Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, «Труды САГУ», новая серия, вып. 81, историческая наука, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 14—15.

⁶ См. И. И. Умняков, Ю. Н. Александров, Самарканд (краткий справочник), второе, дополненное и исправленное издание, Ташкент, 1958, стр. 62.

⁷ См. Д. И. Нечкин, Задачи и ближайшие цели комитета..., «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 5.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-394, оп. 2, д. 2, л. 10.

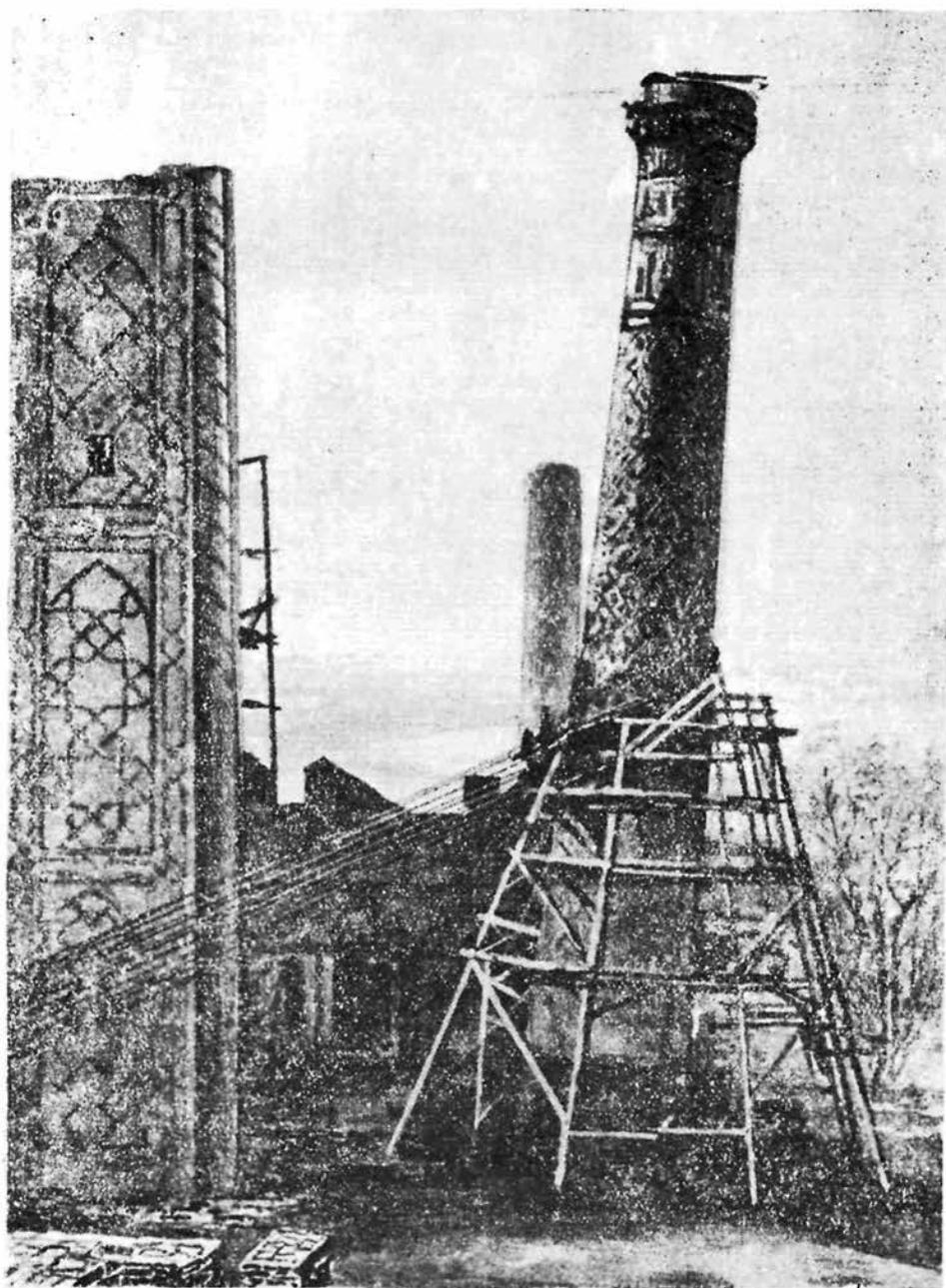
¹⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 129.

¹ М. Е. Массон выступил с этими воспоминаниями 14 марта 1962 г. в фундаментальной библиотеке ТашГУ, а также на 262-м заседании кафедры археологии ТашГУ 25 мая 1962 г.

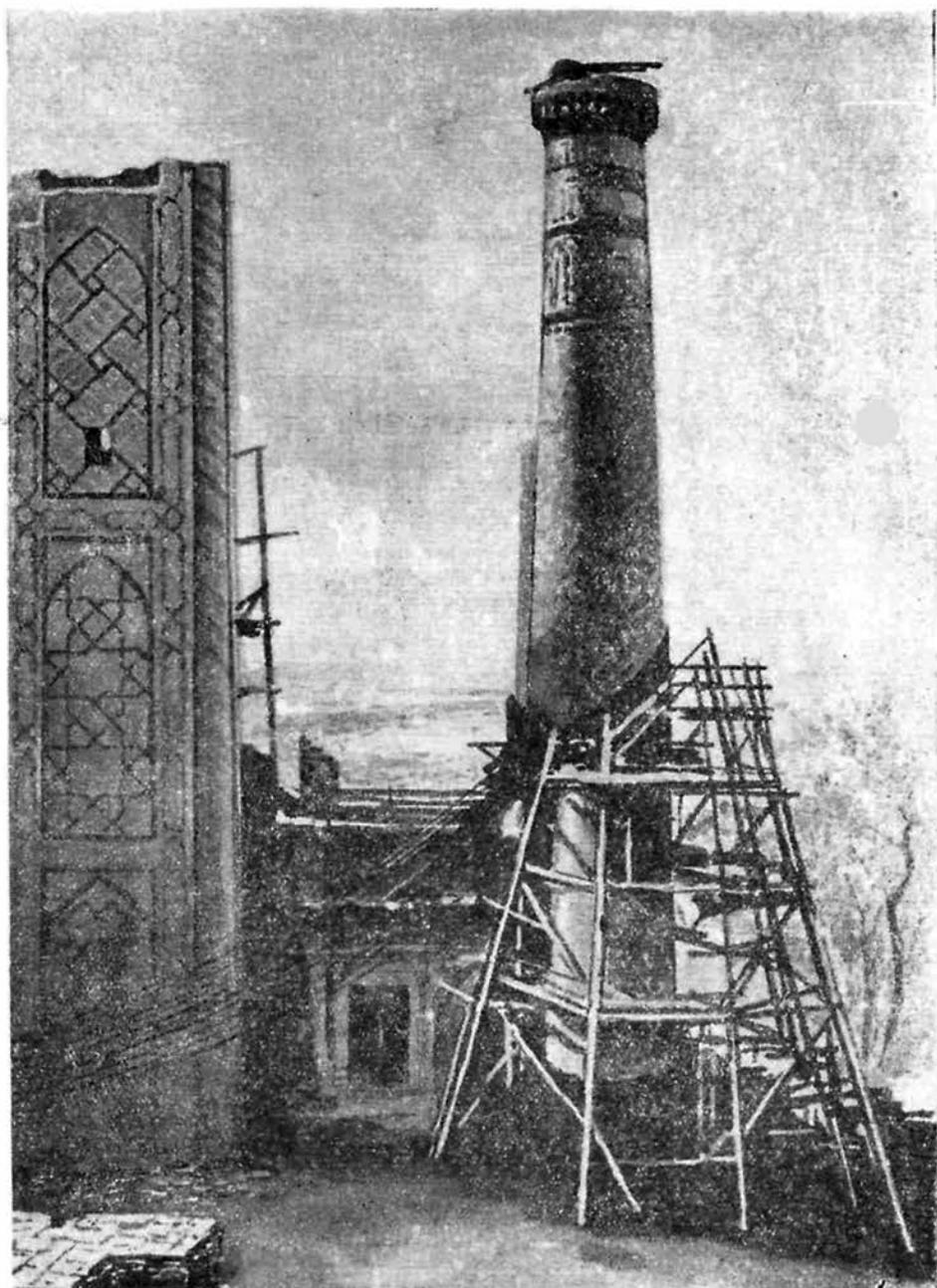
² ЦГА УзССР, ф. И-1591, оп. 1, д. 16, л. 1.

³ *م. مسان بوروندان قالگان مدانی میراسگه... مه عارف وه توقوتوچى*, 1923 *بیل*, 24 *صاهيفه*

د. نچکین، تورقانا سیاده سه نعت ته سه رانی ساقلاش مه عارف وه توقوتوچى 1926 *بیل*, 24, *صاهيفه* *س. عینی، قوطبی چهاردهم، مه عارف وه*

Северо-восточный минарет медресе Мирзы Улughбека до выпрямления.

Минарет медресе Улугбека после его выпрямления в 1932 г.

после предварительной регистрации их, и построить на том же месте новый минарет⁹.

Однако представители молодой советской науки не пошли по этому пути. Они приняли смелое решение выпрямить минарет без его разрушения¹⁰.

Вопросом о выпрямлении минарета медресе Улугбека занимались не только ученые Узбекистана и Средней Азии, но и Москвы, Ленинграда и др.¹¹ В сентябре 1921 г. Туркомстарис организовал специальную экспедицию в Самарканд, в целях решения вопроса об укреплении минарета и принятия подготовительных мер по его выпрямлению. Эта экспедиция (в составе председателя Средазкомстариса Д. И. Нечкина, проф. А. А. Семенова, архитектора Г. М. Сваричевского, инженеров Д. Н. Булаевского Б. Жуваля, при участии В. Л. Вяткина, проф. А. Н. Кузнецова, инженеров М. Ф. Мауэра, Б. Н. Кастаньского) тщательно осмотрела укрепленный тросами минарет медресе Улугбека и установила возможность выпрямления минарета¹².

Учитывая многолетний опыт охраны и изучения памятников старины г. Самарканда, инженер М. Ф. Мауэр имел уже достаточное представление о состоянии медресе Улугбека и его наклонившегося минарета. Поэтому он с уверенностью утверждал: «Выпрямим минарет так, что он сам не заметит этого»¹³.

По проекту московского инженера В. Г. Шухова, составленному по поручению Средазкомстариса¹⁴, одному из заводов г. Москвы (Мосмет) была заказана специальная поворотная конструкция для восстановления минарета. Эта конструкция была тщательно осмотрена и проверена компетентными лицами, особенно М. Ф. Мауэром. Последний, будучи неплохим математиком, отметил некоторые неточности ее, на первый взгляд, не очень важные, но весьма опасные для сохранности минарета во время выпрямления. Архитектор Б. Н. Засыпкин заверил участников реставрации в успешном исходе работ, подчеркивая, что М. Ф. Мауэр «рассчитал все

самые мелкие детали конструкции, исправляя их недочет даже в миллиметрах»¹⁵.

Согласно смелой идее Шухова, Мауэра и других советских специалистов, минарет надо было «повернуть вокруг вращающейся оси, перемещающейся во время поворота по определенному закону и так расположенной, чтобы крупное для поворота усилие все время оставалось по возможности малым»¹⁶.

Тем временем продолжались подготовительные работы: в 1926 г. старые якоря были заменены новыми; в 1927 г., после очистки фундамента минарета, его цоколь был заключен в железобетонную обойму¹⁷. К январю 1932 г. дело подходило к концу. В ствол минарета была помещена винтовая вращающаяся конструкция; под верхней частью второй половины минарета были установлены двойные рельсы, закрепленные на прочных основаниях минарета; был прикреплен подъемный рычаг, предназначенный для поднятия и выворачивания минарета, и т. д.

Следует отметить, что все эти работы стоили Советскому государству огромных средств и вызвали большой интерес местного населения. Как отмечает проф. Я. Г. Гулямов, на площади Регистан во время реставрации минарета медресе Улугбека собиралось множество людей, внимательно следивших за ходом работ. «В один из январских дней 1932 г., — пишет Я. Г. Гулямов, — на покрытой снегом Регистанской площади собралось множество людей. В устах каждого шли разговоры о том, что сейчас будет осуществлено выпрямление минарета. Наконец, последовала отдача распоряжения о поворачивании винтов рычага»¹⁸. Машины легко повернули огромный 800-тонный минарет, и за 20 минут он принял строго вертикальное положение¹⁹. По расчетам участников реставрации, тяжесть минарета на рычаге была очень незначительной — всего несколько килограммов.

Далее работы шли в быстром темпе. Нижняя часть минарета была успешно соединена с верхней (в этом деле активно участвовали местные мастера-узбеки, особенно известный мастер-керамист усто Абди Кадыр Бакиев). Ямы и траншеи, оставшиеся от железобетонных обойм, были забиты камнями и кирпичами; были сняты железные тросы, рельсы и т. д.

⁹ Архив Управления по делам музеев и охраны памятников материальной культуры узбекского народа при Министерстве культуры УзССР, д. 1908, л. 8.

¹⁰ Архив Узкомстариса, полевой блокнот Б. А. Засыпкина, инв. № 1908, стр. 8.

¹¹ См. Д. И. Нечкин, указ. статья, стр. 6.

¹² См. А. М. Мионов, Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса).... «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 26.

¹³ J. G u l a m o v, M n a r a n i n t i k l a n i s i, „S o s t a l i s t i k f a n v a t u r m u s“, 1939, 11-son, 33-bet.

¹⁴ См. Д. И. Нечкин, указ. статья, стр. 5.

¹⁵ Я. Гулямов, указ. статья, стр. 33.

¹⁶ И. И. Умняков, Ю. Н. Алескеров, указ. соч., стр. 62.

¹⁷ См. И. И. Умняков, Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г., «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 267—271.

¹⁸ Я. Гулямов, указ. статья, стр. 33.

¹⁹ См. И. И. Умняков, Ю. Н. Алескеров, указ. соч., стр. 62.

Так завершилась ответственной работой по выпрямлению минарета медресе Улугбека, какой еще не знала мировая практика. Это было крупное достижение советских специалистов в области научной реставрации памятников зодчества.

Осуществленное благодаря огромной помощи партии и правительства, это меро-

приятие имело и немаловажное политическое значение, ибо широкие массы местных трудящихся в данном примере еще раз убеждались в том, что Коммунистическая партия и Советская власть проявляют бережное и внимательное отношение к памятникам старины, к сокровищам древней культуры среднеазиатских народов.

Ю. Р. Рахматуллаев

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ТЕАТРА В ТУРКЕСТАНЕ

Деятельность русского театра в Туркестане начинается с первых же лет присоединения Средней Азии к России. Еще шла борьба за подчинение Хивинского ханства и Бухарского эмирата, Туркмении и Семиречья, а известный в России театралый деятель А. А. Рассказов уже пытался привезти в Туркестан труппу русских драматических артистов «для хорошей постановки пьес» (1869). Учитывая местные особенности, он обещал взять с собой «и небольшую балетную труппу, имея в виду балетными представлениями (наиболее доступными для не знающих русский язык. — В. Д.) привлечь сартовское население и тем... способствовать сближению его с населением русским»¹.

Переговоры А. А. Рассказова с туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом окончились провалом. Верный страж царизма в Средней Азии был менее всего заинтересован в просвещении покоренных народов, в дружеском сближении людей различных национальностей. Однако ни Кауфману, ни его преемникам это сближение остановить не удалось. Первые же спектакли, поставленные русскими любительскими кружками и обществами, первые посетившие край антрепризы вызвали живейший интерес представителей коренного населения. Очевидец первого спектакля, устроенного драматическим кружком г. Верного (Алма-Ата) 21 ноября 1872 г., рассказывает, что в зрительном зале были не только местные знать — генералы, офицеры и чиновники высоких рангов, — но и «солдаты, кучера, киргизы...»².

Большой интерес местного населения вызвали постановки возникшие в 1878 г. любительского кружка в Коканде. В одной из корреспонденций из Коканда сообщалось: «Любовь к театру распространена не только между интеллигенцией, но и между нижними чинами гарнизона;... Многие туземцы весьма охотно посещают спектакли»³.

С годами интерес представителей коренных национальностей Туркестана к русско-

му театру не ослабевал. В рецензии на один из спектаклей труппы Н. И. Русевского (Ташкент, 1890) с удовлетворением отмечалось, что в театре было весьма много как сартов, так и татар»⁴. Сохранилось свидетельство о том, что в 1894 г., в день бенефиса антрепренера Н. Д. Кручинина, группа узбекских зрителей Ташкента в знак благодарности за доставленное театром удовольствие преподнесла Кручинину ценный подарок⁵.

Большой интерес к русскому искусству, в частности к русскому театру, проявил выдающийся узбекский поэт-просветитель Закирджан Халмухамедов (Фуркат). В одной из статей он пишет: «Я несколько раз посещал театр русского народа, видел игру русских, их ремесло, видел, как они подражают. Их постановки, игра не похожи на выступления наших комиков (кызыкчи). Наши комики лишь забавляют, смешат, а русские своей игрой дают поучительный пример. Они показывают, в каком положении находились люди в прошлом, как они жили, общались друг с другом. Иногда показывали веселые сцены, которые, вызывая у зрителей смех, в то же время давали поучительные примеры»⁶.

Характерно, что смысл и значение русского театра Фуркат видел не в доставляемом им развлечении, а в силе его воспитательного воздействия на зрителя. Это воздействие поэт испытал сам, посетив русский театр 5 октября 1890 г. В этот день показывали пьесу Н. И. Куликова «Суворов в деревне, Милане и обществе хороших женщин». При всей примитивности решения темы и образа Суворова автором пьесы — одним из ходовых драматургов-водевиллистов того времени — спектакль произвел на Фурката незабываемое впечатление и побудил его написать стихотворение «Суворов», посвященное

⁴ «Туркестанские ведомости», 9 января 1890 г., стр. 6.

⁵ «Туркестанские ведомости», 24 февраля 1894 г., стр. 61.

⁶ «Туркистон вилояти газетаси», 6 февраля 1891 г., цит. по кн.: М. Рахманов, Хамза и узбекский театр, Ташкент, 1960, стр. 18.

¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 395, л. 4.

² «Семиреченские областные ведомости», 18 ноября 1912 г., стр. 3.

³ «Туркестанские ведомости», 4 февраля 1886 г., стр. 18.

великому полководцу-патриоту и отваге русского солдата?⁷

В сближении передовой части русского общества с коренным населением края и усилении влияния на него русской культуры и искусства важную роль сыграли революционные события 1905—1907 гг. Широкая волна демонстраций и забастовок с экономическими и политическими требованиями, открытые выступления рабочих и солдат, руководимых Туркестанской группой РСДРП, вызвали существенные изменения в культурной жизни края. В городах Туркестана стали возникать различные культурно-просветительные организации, союзы, музыкальные и драматические кружки и общества — Пушкинское общество по устройству народных чтений и содействию народному образованию в Туркестанском крае (Ташкент), общество ревнителей просвещения в г. Верном, кружки народных чтений в Самарканде и Асхабаде. Появляются известные провинциальные антрепризы З. А. Малиновской, Н. П. Казанского.

Стремясь «поддерживать и распространять просвещение» среди народа⁸, эти кружки и общества устраивали бесплатные народные чтения, спектакли и лекции, открывали публичные библиотеки и читальни, воскресные школы и книжные магазины. Театральные коллективы стремились перенести свою деятельность в рабочие районы городов, повторять свои лучшие постановки днем по сниженным, доступным для простого народа ценам.

Передовые представители этих коллективов справедливо считали, что «наука и искусство в настоящее время... могут способствовать единению людей, разделяемых национальными и вероисповедными особенностями», и прилагали все силы к установлению самой тесной связи с населением края⁹.

Практически это проявлялось в попытках ряда культурно-просветительных обществ привлекать в свои ряды людей из коренного населения, организовывать лекции и спектакли для узбеков, киргизов, туркмен. Определяя цели и задачи возникшего в 1907 г. в Асхабаде кружка любителей драматического искусства, его организаторы заявили, что главным в их деятельности является «производство лишь такого рода произведений, которые имели бы строго воспитательное значение» для народа. Необходимость постановки высококачественных пьес они объясняли тем, что это «дает возможность молодежи (т. е. членам кружка. — В. Д.) быть не

только «господами ташкентцами», знающими туземцев с отрицательными сторонами культурной жизни, а сознательными работниками, сумевшими перенести на нашу окраину все лучшее, что может дать «азиату» европейская цивилизация»¹⁰.

Известно также, что рабочие Кизил-Арвата часто приглашали в свой клуб «на совместные празднества и культурно-просветительные мероприятия» туркмен¹¹. В Асхабаде любители, учитывая потребности коренного населения в театре, неоднократно устраивали специальные вечера, где ставились сборные программы из одноактных пьес на русском, армянском и татарском языках.

Значение культурно-просветительской деятельности передовой части русского общества среди коренного населения края станет понятным, если напомним, что царизм всячески тормозил развитие народов Туркестана, подавляя их культуру и искусство. Когда, например, бухарец Абду Маджид Мирза Ахмедов попытался дать несколько представлений кукольного театра для жителей Нового Маргелана, полицмейстер города сделал на его прошение выразительную подпись: «Туземная музыка и кукольная комедия не представляют никакого интереса для обывателей города Нового Маргелана, а отвлекает туземную прислугу от ее обязанностей»¹².

Под стать «начальству» были и сами обыватели городов края. В Асхабаде, например, туркменскому фокуснику и канатоходцу как-то удалось добиться разрешения давать представления в городском саду. Однако после первого же вечера «почтенные граждане» города выразили недовольство «туземным» искусством и потребовали запретить выступления¹³.

Аналогичный случай произошел и в Мерве в 1911 г. Недавно возникшей в городе татарской труппе удалось поставить в местном русском общественном собрании спектакль, собравший «много народу местных мусульман». Однако руководителям клуба это не понравилось и они «решили больше не давать звание... За отсутствием в городе другого зрительного зала, труппе, — сообщает местный корреспондент, — пришлось высхать из Мерва после первого спектакля. Мотив отказа можно подобрать только один: не давай ходу инородцу»¹⁴.

Сохранилось немало сведений о развитии театральных связей и в последующие

¹⁰ «Асхабад», 16 сентября 1907 г., стр. 2; 28 сентября 1907 г., стр. 2.

¹¹ Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг., сборник документов, кн. 2, Ашхабад, 1946, стр. 8.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 3388, л. 3.

¹³ «Закаспийское обозрение», 7 июля 1904 г., стр. 2.

¹⁴ «Закаспийское обозрение», 8 декабря 1911 г., стр. 3.

⁷ См. В. А. Богатырев, «Суворов ҳақида» шеърининг яратилиши, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти», Ташкент, 1959, № 4, стр. 45—52.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 15, л. 6.

⁹ Газ. «Асхабад», 12 января 1901 г., стр. 2.

годы. Так, в Ходженте отдельные представители узбекской интеллигенции приняли активное участие в организации русских самодеятельных вечеров¹⁵. В г. Аулие-Ата организаторы русских спектаклей для народа связывались со старшинами цехов (аксакалами) и через них распространяли на базаре билеты среди ремесленников — узбеков и казахов¹⁶. В Таджике любители ставили свои спектакли в чайхане, стремясь охватить театральным искусством и туркмен. В целях популяризации русского театра среди коренного населения таджикские любители приглашали на свои народные вечера знаменитых туркменских певцов. «Последние, — пишет один из участников такого вечера, — привлекли очень много туркмен из Каахка, Дуглана и таджикских аулов»¹⁷.

Известно, что А. М. Северской-Сигулиной удалось в 1909 г. проникнуть в самый центр реакционного мусульманства — Бухару и некоторое время показывать там спектакли для придворной знати и местного населения¹⁸.

Все эти факты свидетельствуют о непрерывном укреплении связей представителей передовых кругов русского общества с коренным населением края, о растущем успехе у него русского театра. И это вполне закономерно. Русский театр с первых же дней своего появления в крае активно учитывал запросы самых различных слоев населения, в том числе зрителей галерки и райка. Под воздействием демократических устремлений этого зрителя на сцене театра часто ставились произведения русской и западноевропейской классики, а с начала XX в. — пьесы А. П. Чехова и А. М. Горького.

На сцене тогда работали такие мастера русского искусства, как Н. И. Соболевич-Самарин, С. Л. Кузнецов, Г. С. Галицкий, гастролировавшие в Туркестанском крае братья Адельгейм, М. М. Петипа, М. В. Дальский, П. Н. Орленев, великая русская актриса В. Ф. Комиссаржевская.

Значительность идей и тем классики, революционный смысл произведений Горького, превосходно исполнявшихся мастерами русского искусства, — все это тревожило мысль сидящих в зале, находило живейший отклик в сердцах простого служащего, мастерового, рабочего, оказывало влияние на формирование их общественно-политических взглядов, вызывало их резкий протест против гнета самодержавия.

В Туркестане, народы которого до XX в. не имели своего «ученого» театра, актив-

ная деятельность русского театра приобретает исключительно важное значение и потому, что она прямо или косвенно (через татарский и азербайджанский театры) содействовала формированию в крае национального театрального искусства европейского типа, воздействовала на развитие его прогрессивной линии, на творчество его лучших представителей.

Уже первая дореволюционная пьеса основоположника узбекской советской драматургии и театра Хамзы Хаким-заде Ниязи — «Отравленная жизнь», в которой автор показал образ гордой и умной женщины из народа, предпочитающей смерть насилию, — говорила о кровной связи Хамзы не только с великими идеями прогрессивной узбекской культуры и лучшими традициями национального народного театра кизикчи, но и с передовыми идеями русской демократической драматургии и театра.

Близкой по характеру и духу с лучшими русскими театральными коллективами края была и творческая деятельность созданного Хамзой в Коканде любительского кружка (1915—1916). Об этом свидетельствует как состав труппы, где преобладали представители бедняцкой молодежи, так и ее репертуар, составленный из произведений самого Хамзы («Отравленная жизнь», «Польза науки» и др.).

Примечательно, что передовые люди русского общества горячо приветствовали рождение национального «ученого» театра. Многие из них проявляли живой интерес к национальной драматургии, к игре актеров и стремились всемерно помочь их коллективам. «Думается, что не мешало бы нам самим прийти на помощь нашим туземцам, — писал один из них, — и пополнить их бедный репертуар переводами с русского»¹⁹.

За свою почти полувековую творческую деятельность русский театр в Туркестане сыграл активную роль в установлении и укреплении дружественных связей между русским и коренным населением края, в развитии национальной культуры и искусства народов Туркестана.

Однако в условиях национально-колониального гнета царизма эти связи, конечно, не могли получить полного и всестороннего развития. Это произошло позднее, после победы Великого Октября и установления Советской власти, открывшей широчайшие просторы для всестороннего расцвета творческой деятельности ранее угнетенных народов России.

Именно с этого времени и началась подлинно творческая, активная связь нового, советского русского театра с широкими народными массами Узбекистана, с национальным театральным искусством. Решающее значение при этом имело то обстоя-

¹⁵ «Туркестанские ведомости», 12 февраля 1910 г., прибавление.

¹⁶ «Туркестанский курьер», 13 марта 1910 г., стр. 3.

¹⁷ «Асхабад», 2 октября 1915 г., стр. 2.

¹⁸ «На рубеже», 6 ноября 1909 г., стр. 3.

¹⁹ «Туркестанские ведомости», 19 мая 1916 г., стр. 4.

тельство, что Великий Октябрь положил конец старому, частнопредпринимательскому театру и вызвал к жизни новый, государственный, подлинно народный театр,

отвечающий интересам и эстетическим запросам трудящихся масс.

В. П. Дьяченко

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ И ТАШКЕНТЦЕВ

(Коллекция предметов быта Омского краеведческого музея)

Как известно, в Сибири, главным образом на территории Омской и Тюменской областей, проживают сибирские бухарцы и ташкентцы (узбеки, предки которых в XVI—XVII вв. переселились в Сибирь из пределов Узбекистана)¹. Быт их еще мало изучен. В серии изданий АН СССР «Народы мира» (в томе «Народы Сибири») нет данных о быте сибирских бухарцев как до, так и после Октябрьской революции. В этой связи представляет несомненный интерес коллекция предметов материальной культуры узбеков, хранящаяся в Омском областном краеведческом музее. Очевидно, предметы этой коллекции попали в музей в основном от сибирских бухарцев и ташкентцев. Место их производства неизвестно, но можно полагать, что они были привезены при переселении бухарцев из Средней Азии и поступили в Омский музей до Октябрьской революции.

Среди этих предметов имеются изделия из металла, дерева, кожи, шерстяных, хлопчатобумажных и шелковых тканей. Примерные датировки и места их производства определены сотрудником Государственного музея искусств УзССР Б. С. Сергеевым.

Особенно интересны такие предметы, как медный котелок, называемый сибирскими бухарцами «имэкли цуген», (т. е. котелок с ручкой), в прошлом применявшийся в быту узбеков. Котелок² имеет форму горшка, с подвижной фигурной ручкой, дно неровное, запаянное, по бокам цветочный орнамент. Высота—16 см, диаметр тулова—18 см, диаметр дна—9—8 см (рис. 1, 1).

Миска³ из тонкой меди, имеет крышку с ручкой и двумя петлями. Поверхность миски и крышки покрыта растительным орнаментом и надписями арабским шрифтом. Миска внутри луженая. Работа узбекских мастеров XVIII—XIX вв. Диаметр 24,5 см, диаметр дна—11 см, высота без крышки—14 см, с крышкой—28,5 см. Миска употреблялась для переноски пищи.

Миска⁴ медная, с толстыми стенками, внутри луженая, с рисунками и надписью, по верхнему краю—цветочный орнамент⁵. Также употреблялась в быту узбеков. Диаметр—11,5 см, высота—8 см (рис. 1, 2).

Среди предметов чеканной работы представляет интерес медный кумган для воды (высота—41 см, длина носика—24 см, диаметр дна—14,26 см), распространенный в быту узбеков. На языке сибирских бухарцев он также называется «кумган». В Бухарской области такой кумган носит название «афтоба», а в Ташкентской, Самаркандской и других областях Узбекистана—«обдаста»⁷. Из таких кумганов поливают воду на руки перед приемом и после приема пищи; они употребляются также при омовении (рис. 1, 3).

По бокам указанного кумгана имеется накладной цветочный орнамент. Крышка остроконечная, на шарнире, прикреплена двумя клепками; ручка прикреплена четырьмя клепками. Верхняя часть (шейка кумгана) шестигранная, книзу расширяется и переходит в круглую форму с вдавненным дном. По мнению Б. Сергеева, этот кумган изготовлен каршинскими мастерами в начале XX в.

Очень интересен по своему художественному оформлению другой медный кумган (Коканд, XIX в.)⁸, резной работы, с растительным орнаментом и отделкой из мелкой бирюзы. Бирюза расположена в два ряда, в верхнем ряду—21, в нижнем—19 и у основания носика—17 штук. Рисунки расположены кругами по окружности кумгана. Ручка дугая, с геометрическим орнаментом, прикреплена на шарнире, в верхней части придерживается двумя клепками. Диаметр отверстия кумгана—4,5 см, высота—29 см, диаметр дна—12,5 см.

Как известно, чеканные медные изделия бытуют у узбеков Узбекской ССР; они широко представлены в музеях Узбекистана (Бухара, Ташкент и др.).

В коллекции имеется также литая, ажурной работы жаровня (бронза, Бухара, XVI в.)⁹, называемая в Средней Азии

¹ Х. Зияев, К истории сибирских бухарцев и ташкентцев (XVIII—первая половина XIX вв.), «Известия АН УзССР», серия общественных наук, Ташкент, 1956, № 6; его же, Сибирлик узбеклар (XVI аср—XX асрнинг бошлари), Тошкент, Уздавнашр, 1958.

² Инвентарь Омского музея краеведения (в дальнейшем—инв. ОМК), № 1811.

³ Инв. ОМК, № 1826.

⁴ Сибирские бухарцы называют ее «тавак»; по словам канд. ист. наук М. А. Бижановой, подобные миски в Узбекистане также носят название «тавак».

⁵ Инв. ОМК, № 1832.

⁶ Инв. ОМК, № 1813.

⁷ Б. Сергеев, Чеканка по меди, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1960, стр. 12.

⁸ Инв. ОМК, № 1812.

⁹ Инв. ОМК, № 1820.

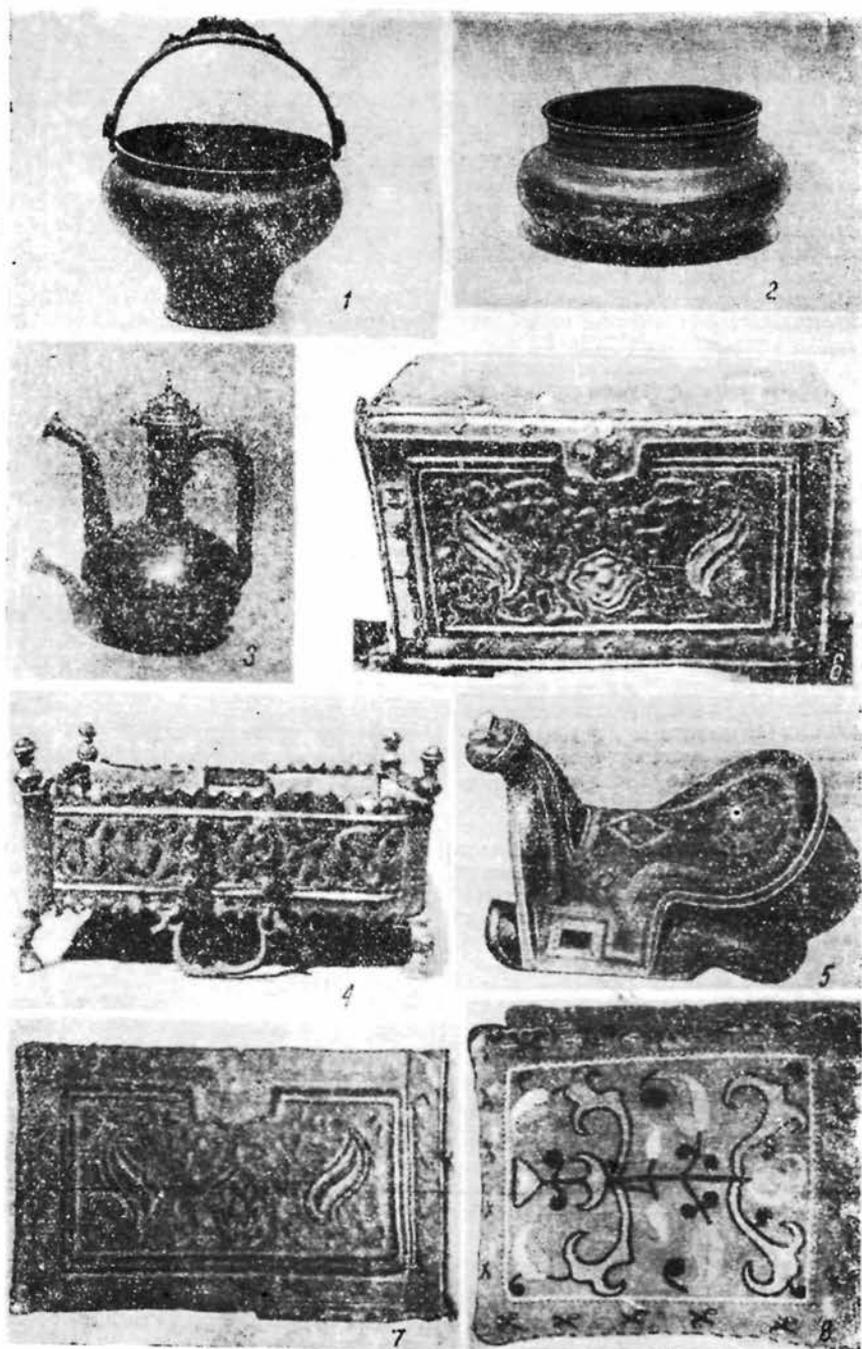

Рис. 1. Предметы быта сибирских бухарцев из Омского краеведческого музея.
 1—медный котелок, 2—медная миска, 3—кумган, 4—бронзовая жаровня (мангал), 5—лакированное седло,
 6—кожаный сундук (яхтан), 7—задняя часть яхтана, 8—вышивка на кашемире.

«манкал», «манкалдон». Жаровня четырехугольной формы состоит из четырех пластинок, скрепленных на углах ножками, с двумя ручками и цинковой вставкой, дно цинковое. Высота—14,5 см, ширина—25 см, площадь дна—25,5 × 24,5 см (рис. 1, 4).

Другой манкал¹⁰, тоже бухарский, большого размера, резной ажурной работы, украшенный растительным и геометрическим орнаментом, восьмигранный, на восьми ножках, по бокам имеет две ручки. Высота 23 см, расстояние между противоположными краями—40 см. Он аналогичен манкалу, хранящемуся в Государственном музее искусств УзССР и датируемому Б. Сергеевым XVIII в.¹¹, который отличается от манкала Омского музея только тем, что он девятигранный и на девяти ножках.

Родиной и местом широкого распространения жаровен (макалов) была Бухара. По словам О. А. Сухаревой, жаровни были самым сложным и крупным изделием бухарских мастеров, занимавшихся литьем из бронзы. При изготовлении их отдельно отливались доски, ножки, дно и ручки, а затем эти части сплавивались вместе. Бухарские рехтагары (мастера, занимавшиеся отливкой) «изготавливали и художественно выполненные жаровни. Стенки их украшались резными решетками шабақа и литыми фигурами птиц тўти. Величина жаровни определялась числом составлявших ее досок, которых могло быть от 4 до 12. Четырехугольные жаровни, наполняемые раскаленным древесным углем, употреблялись для обжаривания лавок, большие жаровни — в помещениях для гостей в богатых домах (при этом двери всегда оставались открытыми)»¹².

О высоком искусстве узбекских мастеров ярко свидетельствуют и деревянные седла (на языке сибирских бухарцев «изэр», по-узбекски «игар»). Они показывают, что узбекские мастера умели не только придавать дереву нужную им художественную форму, но и превосходно владели кистью и искусством инкрустации.

В коллекции Омского музея имеется узбекское лакированное седло, датированное концом XIX—началом XX в.¹³ Фон верха седла красный, с крупными цветами (зелеными, черными, белыми, синими, молочно-сиреневыми), инкрустировано костью. Нижняя часть седла орнаментирована кружками и линиями. Высота—26 см, длина бока—36,5 см, высота сзади—19 см, высота сидения—14 см (рис. 1, 5).

Другое седло¹⁴ сверху также покрыто красным лаком и инкрустировано костью.

Поверхность его украшена полосками из мелких ярких цветочков. Нижняя сторона седла имеет однотонную окраску зеленого цвета. С обратной стороны верхней части сидения — восьмиконечная желтая звездочка. Высота—26 см, длина бока—36 см.

Заслуживают внимания деревянные подставки под седло¹⁵, окрашенные в яркие краски (золотистые, зеленые и красные узоры на синем фоне). Высота—58 см, расстояние между ножками—24 см.

Надо сказать, что деревянные седла были широко распространены в Узбекистане и до последнего времени. Ташкентские мастера-узбеки изготавливали их в большом количестве для казахов.

Седла, подобные хранящимся в Омском краеведческом музее, представлены в значительном количестве в различных музеях Узбекистана (Музей истории народов Узбекистана АН УзССР, Государственный музей искусств УзССР и др.).

Высокое мастерство узбекских народных умельцев характеризуют и такие предметы, как кожаный сундук (яхтан, яхдан)¹⁶.

Сибирские бухарцы называют подобные сундуки «сантык» или «сандык». В коллекции Омского музея имеется сундук с крупным растительным орнаментом, оклеенный внутри тканью зеленоватого цвета с фиолетовым рисунком; борт оклеен тканью красного цвета¹⁷. Размеры сундука—70 × 40,5 × 34,5 см. (рис. 1, 6).

Кроме кожаного сундука, в музее имеется передняя часть яхтана, обшитая коричневой тисненой кожей с выпуклым рисунком¹⁸. В середине три крупных украшения из зеленой кожи в виде листьев; такие же по форме, но мелкие, зеленого цвета рисунки по краям чередуются с рисунками красного цвета. Орнамент прошит металлической ниткой в несколько рядов. Подкладка полосатая, пестрая. Размеры 71 × 42 см (рис. 1, 7).

В XVII—XVIII вв. яхтаны широко применялись бухарскими купцами для перевозки товаров на лошадях и верблюдах. По словам Б. С. Сергеева, такие яхтаны использовались и русскими войсками для перевозки боеприпасов и военного имущества во время присоединения Средней Азии к России.

В коллекции музея имеется небольшая вышивка размерами 43,5 × 36,5 см, выполненная шелком-сырцом на кашемире стального цвета¹⁹. Орнамент растительный, с включением широко распространенного узора «перец» (калампыр), называемого в некоторых местах Узбекистана «миндаль» (бодом). По бокам вышивка окружена

¹⁰ Инв. ОМК, № 1819.

¹¹ Б. Сергеев, указ. соч., стр. 29.

¹² О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 39.

¹³ Инв. ОМК, № 1848.

¹⁴ Инв. ОМК, № 1849.

¹⁵ Инв. ОМК, № 1847.

¹⁶ Яхтаны, по словам О. А. Сухаревой, делались из воловьей кожи, а углы отделивались шагренью зеленого цвета, отличавшейся особой прочностью.

¹⁷ Инв. ОМК, № 1825.

¹⁸ Инв. ОМК, № 3855.

¹⁹ Инв. ОМК, № 3143.

тесмой, вышитой тамбуром. В прошлом, возможно, это была «ойна хальта» (мешочек для зеркала или для хранения мелких вещей). Впоследствии этот мешочек использовался как верх диванной подушки (рис. 1, 8).

Из узбекской одежды среди предметов музейной коллекции находится прекрасно сохранившийся халат (называемый сибирскими бухарцами «чапан») из парчи красного цвета с золотом²⁰. Подкладка халата из малинового сатина, подкладка рукавов — из белого коленкора. Края халата, а также концы рукавов обшиты тесмой. Длина халата — 146 см, ширина внизу — 212 см. В настоящее время сибирские бухарцы уже не носят такие халаты.

В Омском краеведческом музее хранится домотканый тонкий безворсный ковер, который называется сибирскими бухарцами «урмак». Ковер размерами, примерно, 250×150 см соткан из окрашенной в разные цвета пряжи (овечья шерсть), узор — в полоску одинаковой ширины (5 см), черного, желтого, оранжевого, красного и фиолетового цветов. В качестве красителей сибирские бухарцы использовали дикорастущую сибирскую марену и некоторые другие растения. Фиолетовая и красная шерсть окрашена анилином²¹. Ковер был соткан в 1912 г. в старинном бухарском селении Яланкуль

(Иланлы) бывшей Уленкульской (Бухарской) волости Тарского уезда (ныне Большереченский район Омской области) сибирской бухаркой Хурией Зайнитдиновой, а в 1919 г. передан ею в приданое дочери.

Интересно отметить, что термин «урмак» означал в Узбекистане примитивный ткацкий станок. У сибирских же бухарцев «урмаком» называется уже не сам станок, а ковер, сотканный на нем.

Среди хранящихся в Омском музее предметов быта сибирских бухарцев имеется также халат (шабур, шабыр) — мужская верхняя одежда из холста. По своему крою и общему силуэту он отличается от указанного выше парчевого халата — в нем не видно связи со Средней Азией и наблюдаются черты, заимствованные бухарцами у народов Сибири.

Ряд предметов, употреблявшихся в прошлом в быту сибирских бухарцев и подобных находящимся в коллекции Омского музея, можно встретить в музее г. Тобольска, а также у отдельных бухарцев, проживающих в Омской и Тюменской областях. Изучение их представляет большой интерес для наших этнографов и историков, занимающихся исследованием материальной культуры народов Средней Азии.

Ф. Валеев

²⁰ Инв. ОмК, № 3110.

²¹ Ковры с подобным узором широко распространены в Узбекистане, где они, по словам О. А. Сухаревой, называются «капка»; они изготовлялись преимущественно узбеками, сохранившими родоплеменное деление. См. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПОЛЕЗНАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Присоединение Средней Азии к России было подготовлено всем ходом экономических, политических и культурных связей, издавна установившихся между этими странами. Поэтому изучение истории русско-среднеазиатских отношений представляет большой научный и политический интерес.

Как известно, история русско-среднеазиатских отношений была довольно широко отражена в дореволюционной литературе, однако, как правило, она освещалась поверхностно и с точки зрения буржуазной историографии.

Подлинно научное изучение этой сложной и многогранной проблемы началось лишь после победы Октябрьской революции, когда наша историография становится на прочную базу марксизма-ленинизма. В советский период был опубликован ряд статей и монографий, дающих правильное освещение многих аспектов этой проблемы.

Однако отдельные вопросы русско-среднеазиатских отношений, особенно внешней политики России в Средней Азии, еще не затронуты или слабо освещены в нашей исторической литературе.

В этой связи следует приветствовать выход в свет монографии Н. А. Халфина «Политика России в Средней Азии (1857—1868)»¹, представляющей собой несомненный успех советской историографии.

Рецензируемая книга состоит из введения, пяти глав и заключения. К работе приложены перечень использованной литературы и архивных источников, указатели имен и географических названий, а также 3 карты Средней Азии.

Во введении дается подробный анализ дореволюционных работ по истории внешней политики царизма в Средней Азии. Автор справедливо отмечает, что буржуазные исследователи лишь поверхностно касались социально-экономических и политических проблем, не изучали всего

комплекса социально-экономических предпосылок того или иного политического акта, отрывали внешнюю политику от внутренней, идеалистически объясняли ее случайными, второстепенными фактами и зачастую поддерживали «официальную легенду».

В работе разоблачается также полная несостоятельность и лживость утверждений реакционных историков Запада (в частности, Англии), которые, преследуя пропагандистские цели, выдвигали два фальшивых тезиса — о «сверхагрессивности» России и «оборонительной» политике Англии в странах Востока и о «продолжении» Советским Союзом старой политики царской России.

Монография Н. А. Халфина основана на богатом архивном и опубликованном материале, характеристике которого отводится определенное место во введении.

В I главе — «Россия и международные отношения в Центральной Азии с начала XIX в. до Крымской войны» — освещается положение Средней Азии и Сибирского края в первой половине XIX в. Автор отмечает те основные причины, которые мешали развитию производительных сил Средней Азии, — оторванность от мирового рынка, феодальная раздробленность, господство патриархально-феодалных отношений, междоусобные войны. Затем Н. А. Халфин останавливается на вопросе о торговле России с Центральной Азией. Вопреки утверждениям отдельных исследователей, он правильно отмечает, что в развитии торговли были обоюдны заинтересованы и Россия, и среднеазиатские ханства. В разделе «Британская экспансия в Средней Азии» говорится об английских происках в Средней Азии и сопредельных странах. Автор приходит к правильному выводу о том, что британские происки вызвали серьезные опасения в правительственных кругах России и, наряду с первостепенными экономическими факторами, придали среднеазиатской политике особо важное значение в планах царского самодержавия.

II глава — «Подготовка царской России к экспансии в Средней Азии (1857—

¹ Н. А. Халфин, Политика России в Средней Азии (1857—1868), М., ИВЛ, 1960, 272 стр. + 3 карты-вклейки.

1858)» — посвящена экономическому развитию России после Крымской войны и ее политике в Средней Азии. Здесь же освещаются экспедиция Н. В. Ханькова в Хорасан, посольство Н. П. Игнатьева в Среднюю Азию и поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар. Н. А. Халфин говорит о широкой кампании в русской прессе, о проектах и соображениях официальных и неофициальных лиц по вопросу о значении Средней Азии как выгодного рынка сбыта для русских товаров и источника сырья, особенно важного для наиболее развитой отрасли промышленности тогдашней России — текстильной.

III глава — «Среднеазиатская политика царизма в 1859—1862 гг.» — охватывает такие вопросы, как британские происки в Средней Азии, разработка планов военного наступления царизма в Среднюю Азию, в частности в Кокандское ханство, разногласия в правительственных кругах России во взглядах на цели и задачи среднеазиатской политики. Анализируя высказывания государственных деятелей и других лиц, автор правильно подчеркивает, что решающее влияние на политику России в Средней Азии оказали те круги, которые выражали интересы российских промышленников и торговцев.

В главе IV — «Соединение Сыр-Дарьинской и Западносибирской линий (1863—1864)» — дается обзор экономического развития России в пореформенный период, освещается активизация ее среднеазиатской политики и продвижение царских войск в глубь узбекских ханств. В частности, подробно описано завоевание царскими войсками ряда пунктов Кокандского ханства и создание Новококандской линии. Затем автор вкратце останавливается на русско-китайских отношениях в Синьцзяне.

В V главе — «Ликвидация независимости Кокандского и Бухарского ханств (1865—1868)» — рассматривается дальнейшее продвижение русских войск и завоевание Ташкента. Автор приводит интересные данные о проблеме «Ташкентского ханства» и разногласиях по этому вопросу среди официальных лиц Российской империи. Далее освещаются русско-бухарские отношения и образование Туркестанского генерал-губернаторства.

В заключении автор излагает свои выводы о политике России в Средней Азии и прогрессивном значении последствий присоединения Средней Азии к России. В частности, он указывает, что исторически внешняя политика России в Средней Азии делится на два этапа:

- 1) всесторонняя разведка обстановки в Средней Азии, попытки установить здесь свое господство дипломатическим путем (1857—1863);
- 2) широкое военное наступление (1864—1868), которое привело к присоединению

значительной части Средней Азии к России.

Автор вкратце характеризует социально-экономические изменения, происшедшие в Средней Азии после присоединения ее к России, и подчеркивает, что несмотря на захватнические, колонизаторские цели царизма, это присоединение имело объективно прогрессивное значение. Важнейшим результатом его явилось сближение народов Средней Азии с великим русским и другими народами России, которое «неизмеримо ускорило проведение *социалистической революции* в Средней Азии» (стр. 244).

Содержательная монография Н. А. Халфина читается с большим интересом. Автор на основе кропотливого и глубокого изучения материала сумел разрешить поставленную перед собой задачу. Его работа выполнена на высоком научном уровне и вносит бесспорный вклад в изучение большой и важной проблемы истории русско-среднеазиатских отношений.

Вместе с тем рецензируемая работа не лишена и отдельных недостатков и погрешностей. Прежде всего следует отметить, что автор уделяет мало внимания отношению правящих кругов узбекских ханств и соседних стран Востока к политике России. Недостаточно освещается и отношение различных слоев населения г. Ташкента к наступлению русских войск. Известно, что в городе было три группировки, одна из которых придерживалась русской, другая — бухарской, а третья — кокандской ориентации. Возможно, что по этому вопросу еще не обнаружено достаточных материалов. Однако в дальнейшем необходимо осуществить поиск таких материалов по местным источникам.

Автору следовало уделить больше внимания вопросам торговли между Россией и среднеазиатскими ханствами в период продвижения русских войск в глубь Средней Азии. Известные нам архивные документы свидетельствуют о том, что торговые отношения между Россией и Средней Азией продолжали существовать, несмотря на сложную обстановку того времени.

Вообще было бы целесообразным подробнее остановиться на истории политико-экономических связей между обеими странами, создававшихся определенные предпосылки для оформления русской политики в Средней Азии.

Недостаточно отражена в книге и торговля между Россией и Центральной Азией. Надо было бы также шире осветить вопрос о русско-синьцзянских отношениях. Заключение монографии оказалось слишком растянутым, причем местами встречаются повторения одних и тех же положений.

С сожалением приходится отмечать, что автором не использованы материалы на местных языках, а также ряд работ и статей по исследуемой проблеме, вышедших за последние годы.

Но все это не противоречит общей положительной оценке монографии Н. А. Халфина, которую, на наш взгляд, следовало бы издать в переводе на узбекский язык.

Х. Зияев

ФОРОБИЙ ҲАҚИДА АСАР

Кейинги вақтларда Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг нашриёти «Илм-фан классиклари» сериясидан бирмунча китоблар нашр қилди. Булар ичида Форобий, Беруний каби Урта Осиё олимларининг ҳаёти ва илмий меросига бағишланган асарларни китобхонлар яхши кутиб олди.

Фалсафа фанлари кандидати Музаффар Хайруллаевнинг «Абу Наср Форобий»¹ деган китобчаси улуғ олимнинг бой меросини ўрганиш соҳасида қўйилган дастлабки қадамлардандир. Китобча кириш қисм ва уч бобдан иборат. Киришда автор Шарқ халқларининг маданий меросини менсимай келадиган буржуа олимларининг бемаъни даъволарини фож қилади. Уларнинг даъвосича, дейди автор, Шарқнинг мутафаккирлари, жумладан, Урта Осиёдан чиқиб, бутун дунёга машҳур бўлган олим, файласуфлар ҳам ҳеч қандай оригинал фикрларни олға сура олмабдилар, Шарқда ҳеч қачон материализм бўлмаган ва Шарқ фалсафаси идеалистик ва диний-мистик йўналишда экан, холос. Ваҳоланки, ҳаёт бу даъволарнинг аксини кўрсатади.

М. Хайруллаевнинг китобчасида Форобий ўрта аср Шарқ фалсафасидаги илғор, прогрессив йўналишнинг асосчиси ва фалсафанинг барча соҳасида муҳим илмий масалаларни олға сурган буюк олим сифатида гавдаланади. Бу асарнинг энг муҳим хусусияти шундаки, унда автор фақат Форобий ҳақида турли тилларда, хусусан, ўзбекча, русча, арабча, инглизча, немисча босма манбаларда баён этилган маълумотларнигина бермайди, балки Форобийнинг илмий ва фалсафий меросини марксча-ленинча методология асосида текшириб, унинг дунёқарашидagi ижобий, материалистик томонларини асослайди ва бу билан Форобийни мистик ислом файласуфи деювчи буржуа олимларининг даъвоси батамом асоссиз эканини кўрсатади. Шу билан бир қаторда, асар камчиликларни ҳам холи эмас.

Эҳтимол, китобнинг ҳажми нисбатан бермаганданим, баъзи ўринларда автор Форобий ғояларини шарҳлаш, уларни китобхонларга тушунтириш ўрнига, тўғридан-тўғри файла-

суф сўзларини келтириш билан чекланади. Масалан, китобдаги «Фалсафий саволлар ва уларга жавоблар» боби фикримизнинг далили бўлиши мумкин. Бу бўлимда китобхон учун фақат Форобийга берилган саволга унинг жавобининггина эмас, балки автор ўз мулоҳазаларни билан файласуфнинг фикрини, нима демоқчи бўлганини кенгроқ шарҳлаб бериши мақсадга мувофиқроқ бўларди. Афсуски, ўртоқ М. Хайруллаев ўша савол-жавоблар таржимасини нақл қилиш билан кифояланиб қолган, холос; у бу масалаларга ўз муносабатини билдирмаган. Бордию, агар автор нияти Форобийнинг фалсафий масалаларга берган жавобини китобхонга тақдим қилиш бўлса, у ҳолда бу бобни тўла-тўқис асарнинг сўнгига илова қилиб бериш керак эди. Шу билан бирга, негадир автор Форобий ҳақида Ғарб ва Шарқда ёзилган китобларга обзор бермайди.

Форобийнинг йирик файласуfliги ва ўз мактабининг яратганлиги, ҳатто Шарқ фалсафасига катта таъсир кўрсатганлиги маълум. Китоб авторни Форобийнинг Урта Осиё фалсафасига ва, умуман, Шарқ ижтимоий фикрига кўрсатган баракали таъсирини ёритиб бериши керак эди. Афсуски, автор бу томонларга тўхтамаган.

Шунингдек, автор илмий ишда негадир ўрта аср олимлари исмининг тўла ёзмайди, ҳамма жойда Форобий, Маймонид, Ғаззолий сифатида келади, ҳатто бир жойда И. Ғаззолий (76-бет) деб ҳам ёзилган, ваҳоланки Абдулҳамид Ғаззолий деиши тўғри бўларди. Бу янглиш эса Имом Ғаззолий (76-бет) деб олишнинг натижасидир. Ундан ташқари, китобда баъзи бир орфографик хатолар, стилистик поинциликлар ҳам бор. Аммо бу баъзи бир камчиликлар асар қимматини туширмайди, баён этилган фикрни тушунишда халал бермайди.

М. Хайруллаевнинг «Абу Наср Форобий» китобчаси ўрта аср фан тарихи, фалсафаси билан шугулланувчи мутахассисларга, ўқитувчи ва студентларга, умуман, кенг китобхонлар оmmasига манзур бўларли асардир.

А. Присов

¹ М. М. Хайруллаев, Абу Наср Форобий: (ҳаёти, фаолияти ва таълимоти ҳақида қисқача очерк), ЎзФАН, Тошкент, 1961. 90 бет, редактор Х. Абдураҳмонов.

ХРОНИКА

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ АН УзССР

В принятой XXII съездом партии новой Программе КПСС, постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» и «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров», в докладах и выступлениях Н. С. Хрущева, а также на недавно состоявшемся в Москве общем собрании АН СССР, посвященном дальнейшему развитию общественных наук, на всесоюзных, зональных и республиканских совещаниях заведующих кафедрами общественных наук особо подчеркивается необходимость идеологической закалки всех научных работников, глубокого изучения ими диалектического и исторического материализма в тесной связи с основной их деятельностью.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания»¹.

Известно, что позитивизм, как разновидность современного антикоммунизма, выступает против союза философии с естествознанием. Представители этого реакционного течения пытаются доказать, что в связи с отпочкованием конкретных наук от философии последняя якобы стала беспредметной; что только в позитивных науках — математике, физике, химии, биологии, астрономии и т. п. — существует знание, а потому, дескать, не может быть никакого особого, философского знания о мире.

Все эти домыслы позитивистов не имеют ничего общего с действительностью. Каждая конкретная наука изучает определенную область объективной реальности. Но существование отдельного не исключает существования общего, так как отдельное не существует вне общего, без общего. Это общее, присущее всему миру, и составляет предмет философии.

Революционная преобразующая роль марксистской философии состоит в том, что, будучи научной методологией, она, во-первых, способствует успеху исследований, осуществляемых в каждой отрасли науки, а во-вторых, обеспечивает успех практической деятельности на основе использования познанных объективных законов природы и общества.

Выступая на общем собрании АН СССР, посвященном дальнейшему развитию общественных наук, акад. М. В. Келдыш указывал, что «диалектический материализм, являясь основой нашего научного мировоззрения, сам развивается и обогащается на базе новых открытий науки. Союз естествоиспытателей и философов, о котором писал В. И. Ленин, союз общественных и естественных наук, диктуемый всем ходом современного научного познания, в период развернутого строительства коммунизма особенно необходим»².

Однако среди некоторых наших ученых все еще бытует недооценка философии и философской подготовки научных кадров. Некоторые из них даже берут под сомнение целесообразность сдачи кандидатского минимума аспирантами и соискателями. Например, акад. П. Л. Капица в своей статье «Теория, эксперимент, практика»³ отмечает в деятельности философов один только ошибки и видит в ней лишь помеху для развития естествознания. Аналогичное утверждение мы находим и в другой его статье — «Будущее науки»⁴. За это он был подвергнут резкой критике в редакционной статье журнала «Коммунист» — «Мирное сосуществование не означает ослабления идеологической борьбы»⁵.

Подобное отношение к союзу философии и естествознания встречается и в статьях других ученых. Их ошибочные взгляды задают тон некоторым ведущим естествоиспытателям и научным руководителям аспи-

² «Правда», 22 октября 1962 г.

³ «Экономическая газета», 26 марта 1962 г.

⁴ «Наука и жизнь», 1962, № 3.

⁵ «Коммунист», 1962, № 8, стр. 63.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 207.

рантов в союзных республиках. Все это отрицательно влияет на подготовку научных кадров. В этом повинны и наши философы, которые не всегда находятся на должной высоте в разрешении проблем ленинского союза философии с естествознанием.

Только идеологической закалкой и философской подготовкой, опирающейся на воинствующий материализм, можно предохранить настоящих и будущих работников науки от подобных позитивистских ошибок.

Секретарь ЦК КПСС, акад. Л. Ф. Ильичев, выступая на общем собрании АН СССР с докладом «Строительство коммунизма и общественные науки», подверг резкой критике факты неправильного отношения к общественным наукам, их недооценки. Концентрируя внимание на социальной эффективности революционного учения марксизма-ленинизма, он говорил:

«Если принять за решающий критерий ценности науки ее практические результаты, то крупнейшие политические сдвиги последнего столетия, изменившие социальное лицо планеты, колоссальные успехи нашей Родины во всех областях социальной жизни, в развитии культуры, науки, техники есть непосредственный результат претворения в жизнь марксистско-ленинского учения»⁶.

Наша идеология призвана направлять развитие науки в соответствии с теми задачами, которые поставлены Программой партии. Через коммунистическую идеологию осуществляется партийное руководство наукой. Это и есть конкретное проявление партийности в науке.

Этим принципом руководствуется в своей деятельности и кафедра философии АН УзССР, созданная в 1954 г. и находившаяся до 1959 г. при отделе аспирантуры Президиума АН УзССР.

Положение в корне изменилось с переходом кафедры в Институт философии и права АН УзССР. Теперь уже можно говорить о некоторых достижениях кафедры в области подготовки научно-педагогических кадров; о повышении их научно-теоретического уровня; о совершенствовании методической работы; о связи философии с естественно-техническими науками в педагогической работе; об увязке преподавательской и научно-исследовательской работы кафедры с проблемами современности. Большая заслуга в этом принадлежит коллективу Института философии и права, оказывающему нашей кафедре всемерную помощь.

Кафедра философии АН УзССР призвана готовить аспирантов и научных сотрудников к кандидатскому экзамену по философии. Основные требования кандидатского минимума состоят в том, что аспирант или соискатель должен: а) глубоко знать важнейшие работы классиков марксизма-

ленинизма по философии; б) изучать наиболее общие законы и категории природы, общества и мышления; в) уметь правильно анализировать общественные явления; применять марксистско-ленинскую теорию к жизни, к практике коммунистического строительства, к международным событиям и к критике антикоммунистических, реформистских и ревизионистских теорий; г) понимать значение философии применительно к конкретным отраслям естественных и общественных наук.

Академия наук УзССР является крупным научным центром не только Узбекистана, но и всей Средней Азии. Из года в год развивается наука, растут научные кадры республик Средней Азии. Только кафедра философии АН УзССР ежегодно принимает у аспирантов и научных сотрудников 500—600 кандидатских экзаменов. Это обязывает кафедру непрерывно совершенствовать свою научную и научно-методическую работу.

Руководствуясь решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС, кафедра философии АН УзССР одной из первых в корне перестроила курс диалектического и исторического материализма в целях ликвидации последствий культа личности Сталина, обеспечения тесной связи тематики курса с жизнью, с теоретическими проблемами строительства коммунизма.

Материалы XXII съезда КПСС, доклады Н. С. Хрущева легли в основу всей учебно-методической, научно-исследовательской и идейно-воспитательной работы кафедры.

В свете исторических решений XXII съезда КПСС кафедра составила и опубликовала «Методическое пособие по диалектическому и историческому материализму». При составлении его мы учли ряд особенностей Узбекистана (состояние философской науки в республике, наличие педагогических кадров).

Кафедра обновила тематику и планы семинарских занятий в свете материалов XXII съезда КПСС, составила новую тематику факультативного лекционного курса по философии, тематику рефератов по курсу диалектического и исторического материализма. Были внесены соответствующие изменения в список литературы для семинарских занятий и для сдачи кандидатского минимума.

Учитывая опыт прошлых лет, мы ввели 4-часовые семинарские занятия, методически группируя вопросы на 1 и 2-е занятия.

Лекционный курс по диалектическому и историческому материализму читается в двух потоках — на русском и узбекском языках, отдельно для аспирантов гуманитарных и естественно-технических институтов.

С учетом конкретных специальностей аспирантов составлено 20 учебных групп, по 15—20 аспирантов в каждой.

Преподаватели прикрепляются к группам с учетом их подготовки и уклона к

⁶ «Правда». 22 октября 1962 г.

профилю аспирантских групп, ибо связь преподавания философии со специальностью аспиранта является одним из важнейших условий приближения философии к жизни.

Для чтения факультативных лекций привлекаются крупные специалисты, ведущие ученые (обычно по заранее намеченному плану). А когда к нам приезжают крупные ученые из центра, проводятся тематические встречи их с аспирантами. Так, очень интересными были встречи аспирантов с академиками Д. И. Щербаковым, И. М. Франком и др. В 1963 г. кафедра философии также планирует организацию для аспирантов ряда лекций крупных ученых Москвы и Ташкента.

Лекции и семинары, наблюдение за самостоятельной работой аспирантов над первоисточниками и написанием рефератов, индивидуальные и тематические консультации — являются основными элементами учебной и методической работы. Кафедра заботится об улучшении идейного содержания, целенаправленности этих форм учебной работы. Это сказывается и в повышенных требованиях на вступительных и кандидатских экзаменах. В целях улучшения учебной и методической работы преподаватели кафедры практикуют взаимопосещения, взаимоконтроль и обсуждение их результатов на заседаниях кафедры.

Единство научной и учебной работы — один из основных принципов деятельности кафедры философии.

Наша кафедра является органической частью Института философии и права АН УзССР и по своему назначению и деятельности занимает в нем существенное место. Члены кафедры принимают самое активное участие в обсуждении всех философских проблем, разрабатываемых в Институте. При их участии Институт выпустил учебники «Вопросы диалектического материализма» и «Вопросы исторического материализма», а ныне завершает составление «Философского словаря» на узбекском языке. Планируется участие членов кафедры и в написании других учебных пособий и монографий.

В научно-исследовательской работе членов кафедры находят свое отражение

теоретические проблемы строительства коммунизма в нашей стране, выдвинутые в материалах XXII съезда КПСС. Так, доц. Х. П. Пулатов разрабатывает проблему «О культурно-воспитательной функции Советского общенародного государства». Ст. преподаватель В. Ф. Самышкин работает над монографией «О путях стирания существенных различий между умственным и физическим трудом в период развернутого строительства коммунизма». Ст. преподаватель В. М. Курбанов в 1962 г. завершил кандидатскую диссертацию на тему: «Дальнейшее развитие социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление».

Успешно продвигается работа над диссертационными исследованиями и других членов кафедры. Ст. преподаватель М. Б. Баратов еще в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Борьба ученых, содержащих материалистические тенденции, против идеализма и мистицизма в Узбекистане в начале XX века». В 1962 г. ст. преподаватель О. Ф. Файзуллаев завершил работу над кандидатской диссертацией «О закономерностях механической формы движения материи». В 1963 г. будут представлены к защите диссертации ст. преподавателя В. В. Платонова («Некоторые вопросы соотношения философии и естествознания») и Х. А. Зияутдиновой («Марксистско-ленинская философия в 30-х годах в Узбекистане»).

Вместе с тем следует признать, что в работе кафедры имеется ряд недостатков. При обсуждении отчета кафедры в октябре 1962 г. Ученый Совет Института философии и права АН УзССР конкретно указал на существенные недостатки в деятельности кафедры и обратил ее внимание на повышение уровня учебно-педагогической работы.

Руководствуясь указаниями партии об усилении всей идеологической работы в стране и дальнейшем улучшении подготовки научных кадров, коллектив кафедры философии АН УзССР направляет все усилия на повышение уровня своей научно-исследовательской работы и философской подготовки научных кадров.

Х. П. Пулатов

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР ТАШГУ им. В. И. ЛЕНИНА

Исторические решения XXII съезда партии, принятая съездом новая Программа КПСС и последующие решения Коммунистической партии по вопросам идеологической работы поставили новые грандиозные задачи перед всеми работниками идеологического фронта, в том числе перед преподавателями кафедр общественных наук высших учебных заведений страны.

Партия требует, чтобы работники вузов, особенно преподаватели обществоведче-

ских дисциплин, активно участвовали в разработке актуальных проблем коммунистического строительства, в подготовке высококвалифицированных кадров молодых специалистов, в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, всех трудящихся в духе принципов морального кодекса строителя коммунизма.

В решение этих задач стремится внести свой вклад и коллектив кафедры истории СССР ТашГУ им. В. И. Ленина — основ-

ной и ведущей кафедры исторического факультета ТашГУ, одной из самых старых исторических кафедр в Узбекистане и Средней Азии.

Руководствуясь указаниями партии, коллектив кафедры истории СССР перестроил свою учебно-методическую и политико-воспитательную работу, критически пересмотрел тематику научно-исследовательских работ, добиваясь повышения их научного уровня, актуальности и целеустремленности.

За последние годы, особенно в связи с расширением исторического факультета (за счет открытия вечернего и заочного отделения), состав нашей кафедры значительно пополнился и «омолодился». Сейчас в дружном коллективе кафедры работает 5 доцентов, 5 преподавателей и 10 аспирантов и соискателей. Наряду с учебно-воспитательной деятельностью они уделяют большое внимание изучению актуальных вопросов истории Средней Азии и Узбекистана, особенно советского периода.

Коллектив кафедры истории СССР в содружестве с выделенной из нее (в 1959 г.) кафедрой истории Узбекистана работает над двумя главными научными проблемами:

1) прогрессивное значение последствий присоединения Средней Азии к России;

2) укрепление союза рабочего класса и крестьянства в условиях Средней Азии и Узбекистана; социалистическое строительство в годы предвоенных пятилеток.

Член кафедры доц. Л. В. Гентшке работает в области истории рабочего класса и профсоюзного движения в Узбекистане. Он подготовил к печати брошюру «Деятельность производственных совещаний в Узбекистане (1924—1929 гг.)» и заканчивает монографию «Шефское движение в Узбекистане (1923—1929 гг.)».

Доц. П. А. Ковалев изучает историю революционного движения в годы первой мировой войны и его влияние на национально-освободительное движение в колониальном Туркестане. Он уже опубликовал ряд статей и работ по этой теме и завершает монографию «Революционная ситуация 1915—1917 гг.». Вместе с тем П. А. Ковалев работает над вопросами истории советского общества в годы довоенных пятилеток и завершает монографию «Социалистическое строительство в Узбекистане в период второй пятилетки».

Доц. Х. А. Ерзин, написавший ряд статей по истории гражданской войны в Бухаре (Керкинские события 1918—1919 гг.), продолжает также исследования предпосылок Октябрьской революции в Туркестане, а в последнее время (совместно с кафедрой истории Узбекистана) он приступил к разработке малоизученной темы — Мусьюро ЦК КПТ и его деятельность в 1919—1920 гг.

Доц. Г. Н. Чабров, уделяя основное внимание своей работе «Изобразительные источники по истории Средней Азии

XVIII — первой половины XIX в.», разрабатывает плановую монографию «Очерки по истории городов дореволюционного Туркестана», а одновременно изучает историю узбекской книги, публикуя статьи на эту тему в сборниках научных трудов.

Успешно продвигается работа над докторскими диссертациями доцентов Л. В. Гентшке, П. А. Ковалева, Г. Н. Чаброва.

Упорно трудятся над завершением кандидатских диссертаций молодые преподаватели и аспиранты кафедры, публикующие фрагменты своих работ в «Трудах» института, аспирантских сборниках и в республиканской периодической печати.

А. М. Ташмухамедов завершает кандидатскую диссертацию на тему: «Аграрная политика Советской власти в Туркестане в 1917—1918 гг.».

А. Н. Нуритов заканчивает работу над диссертацией на тему: «Политотделы МТС в борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов».

М. Бабаджанова уже 2 года разрабатывает в качестве кандидатской диссертации проблему: «Партийные и профсоюзные организации в борьбе за политическое и культурное просвещение дехканских масс Узбекистана (1924—1929 гг.)».

Н. А. Аюпия приступила к работе над темой: «Крестьянство Узбекистана в годы второй пятилетки (1935—1937 гг.)».

Члены кафедры занимаются и вопросами историографии и источниковедения по истории Средней Азии (Г. Н. Чабров, А. М. Ташмухамедов, П. А. Ковалев), методики исторических исследований (П. А. Ковалев) и т. д. Свои работы они публикуют в трудах исторического факультета и периодической печати. Так, большинство членов кафедры приняли участие в сборнике «Трудов», посвященном 40-летию образования СССР. Научные статьи и сообщения работников нашей кафедры все чаще публикуются в журналах «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории», «История СССР», «Коммунист Узбекистана», «Звезда Востока», «Общественные науки в Узбекистане» и др.

Все больше внимания уделяется и научно-публикаторской работе. Так, при участии доц. Л. В. Гентшке в ЦГА УзССР были подготовлены сборники документов «Профсоюзы Узбекистана в 1925 году» (24 печ. л.) и «Шефство рабочих Ташкента над кишлаком (1924—1929 гг.)» (16 печ. л.). Готовится к печати сборник документов «Деятельность постоянно действующих производственных совещаний на предприятиях Ташкентской области в 1958—1961 гг.» (12 печ. л.).

Многие работы сотрудников кафедры получили положительную оценку научной общественности, о чем свидетельствует ряд рецензий, опубликованных в различных периодических изданиях.

В свою очередь, члены кафедры активно участвуют в обсуждении и рецензировании

диссертаций и публикаций, подготовленных в других научно-исследовательских учреждениях и вузах Ташкента, Самарканда, Нукуса, Душанбе и других городов. Так, сотрудники кафедры участвовали в рецензировании очерков по истории Компартии Узбекистана, Казахстана и Туркмении, в организованном Академией наук УзССР обсуждении книги Ш. А. Шамагдиева «Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине», в общественном обсуждении II тома «Истории Узбекской ССР» (советский период), в обсуждении и оценке многих диссертаций на исторические темы и т. д.

Члены кафедры участвовали также во многих общесоюзных и республиканских конференциях работников общественных наук, в том числе в совещании заведующих кафедрами общественных наук в г. Москве (начало 1962 г.), в совещании по вопросам ленинской национальной политики в г. Ташкенте (май 1962 г.) и т. д.

Вообще надо сказать, что кафедра уделяет много внимания координации научно-исследовательской работы и укреплению связей с другими кафедрами и научно-исследовательскими учреждениями республики. Наша кафедра выступила застрельщиком координации научной работы на историческом факультете ТашГУ. Члены ее укрепляют контакты с Институтом истории партии при ЦК КПУз, Институтом истории и археологии АН УзССР, с Музеем истории и Музеем искусств УзССР, с кафедрами общественных наук СамГУ, педагогических институтов Нукуса, Ленинабада и т. д. Отрадно отметить и установление контакта с кафедрой СССР философского факультета университета г. Брно (Чехословакия).

Развитие координации, контактов и обмена опытом научно-исследовательской работы способствует расширению, углублению и повышению уровня научных исследований, осуществляемых на кафедре истории СССР.

Члены кафедры придают большое значение и научно-популярной работе, стремясь принять активное участие в распространении политических и научных зна-

ний в массах, в пропаганде исторических материалов XXII съезда КПСС и последующих постановлений партии и правительства, в коммунистическом воспитании трудящихся, особенно подрастающего поколения. Работники кафедры А. М. Ташмухамедов, Х. А. Ерзин, Г. Н. Чабров и другие являются активными членами Общества по распространению политических и научных знаний. Они нередко выступают с лекциями, докладами и статьями в республиканской печати.

Доц. Х. А. Ерзин только в 1961/62 учебном году прочел 58 лекций по путевкам Общества по распространению политических и научных знаний. Он ведет большую пропагандистскую работу в клубах, школах, махалля, в основном по вопросам научного атеизма и борьбы с религиозными пережитками.

Доц. Г. Н. Чабров также прочел много лекций, главным образом по истории искусства и культуры. Так, в 1961 г. в связи со 100-летием со дня смерти Т. Г. Шевченко, Г. Н. Чабров выступил с лекциями о нем в Ташкенте, Аральске и Кызыл-Орде.

Члены кафедры активно участвуют в праздновании знаменательных юбилейных дат. Особенно широко отмечались 150-летие Отечественной войны 1812 г., 45-я годовщина Великого Октября, 40-летие образования СССР. Участие в юбилейных торжествах активизирует воспитательную, научно-исследовательскую и научно-популярную работу кафедры.

Вместе со всем коллективом исторического факультета ТашГУ работники кафедры истории СССР, воодушевленные историческими решениями XXII съезда нашей партии, находят в напряженном поиске лучших путей успешного сочетания учебно-методической, политико-воспитательной и научно-исследовательской работы в целях дальнейшего повышения уровня научных исследований и улучшения подготовки квалифицированных кадров молодых специалистов и преподавателей общественных наук.

П. А. Ковалева.

ПАМЯТИ СЛАВНОГО СЫНА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

10 ноября 1962 г. состоялась научная сессия институтов Отделения общественных наук АН СССР, посвященная 150-летию со дня рождения славного сына азербайджанского народа, выдающегося писателя-демократа и философа-материалиста Мирзы Фатали Ахундова.

С докладом о литературной деятельности М. Ф. Ахундова выступила канд. филол. наук С. Ганцева. Она отметила, что уже в 30-х годах XIX в. Ахундов развернул широкую литературную деятельность. Будучи крупным знатоком восточных культур и языков, он проявил незаурядную эрудицию и в области русской и западно-

европейской литературы. В то же время его занимали вопросы естествознания и философии, истории и политической экономии, эстетики и театра.

Основоположник азербайджанской драматургии и театра Мирза Фатали Ахундов выступал поборником реализма, идейности и общественной значимости искусства. Мироззрение его как писателя и философа сформировалось под сильным влиянием освободительного движения в России, передовой русской демократической культуры. Два поколения русских революционеров — декабристы и революционные демократы — укрепили в мыслителе-демократе

жгучую ненависть к деспотизму и мракобесию, горячую веру в силу разума и прогресса.

О влиянии великих русских писателей на М. Ф. Ахундова и его творчество рассказал научный сотрудник Института языка и литературы АН УзССР С. И. Зайцев. М. Ф. Ахундов высоко ценил могучий русский язык и литературу, передовую демократическую культуру великого русского народа, сокровища которой, по его твердому убеждению, должны были обязательно стать достоянием азербайджанского народа.

М. Ф. Ахундов преклонялся перед гением А. С. Пушкина. Выражая свою глубокую скорбь по поводу гибели великого поэта, М. Ф. Ахундов написал в 1837 г. поэму «На смерть Пушкина».

Неустанно борясь за общественный прогресс и просвещение азербайджанского народа, М. Ф. Ахундов выступал за реформу арабского алфавита, (на котором была основана азербайджанская письменность), чтобы облегчить народу путь к грамоте, к знанию. Борьбе Ахундова за реформу арабского алфавита посвятил свое выступление канд. филол. наук А. Усманов.

Канд. филос. наук М. А. Батунский рассказал о философских воззрениях М. Ф. Ахундова, признававшего мате-

риальность мира и возможность его познания и решительно выступавшего против идеалистических концепций о существовании нематериальной «внешней силы» и т. д. Один из образованнейших людей своего времени Ахундов был хорошо знаком с трудами французских материалистов XVIII в. Решающее влияние на формирование его философских взглядов оказали материалистические традиции прогрессивной русской философской мысли.

Однако в целом материализм Ахундова был метафизическим, а в объяснении явлений общественной жизни он оставался на позициях идеализма.

В своих произведениях М. Ф. Ахундов резко критиковал религиозные предрассудки, особенно догмы ислама, указывал на несовместимость религии с наукой, на регрессивную, реакционную роль религии в истории человечества. Атеистической деятельности М. Ф. Ахундова посвятил свой доклад научный сотрудник Института философии и права АН УзССР М. Абдура-сулов.

Участники сессии тепло встретили выступление известного поэта М. Шейхзаде, зачитавшего переведенные им на узбекский язык отрывки из поэмы М. Ф. Ахундова «На смерть Пушкина».

Х. Мильтыкбаев

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ БОРОВКОВ (1904—1962)

12 ноября 1962 г. скоропостижно скончался член-корреспондент Академий наук СССР и УзССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор Александр Константинович Боровков. В его лице мы потеряли крупного ученого-востоковеда, тюрколога, узбековеда, активного общественника, заботливого наставника и педагога.

А. К. Боровков родился 16 марта 1904 г. в Ташкенте, в семье рабочего. Здесь же он получил начальное и среднее образование. В 1922—1928 гг. он учился на восточном факультете САГУ и окончил его по специальности тюрколога. По окончании САГУ Александр Константинович преподавал уйгурский и узбекский языки на Туркестанском отделении Ленинградского восточного института.

В 1929—1932 гг. А. К. Боровков обучался в аспирантуре Института языка и мышления АН СССР; участвовал в семинарах академиков В. В. Бартольда и Н. Я. Марра, профессоров В. Л. Щербы и С. Е. Малова. Окончив аспирантуру, Александр Константинович остался работать в Ленинградском восточном институте (до 1938 г.), а в 1933—1936 гг. он одновременно был старшим научным сотрудником Ленинградского научно-исследовательского института языкознания.

Александр Константинович Боровков.

С 1934 по 1940 г. А. К. Боровков работал в Институте востоковедения АН СССР в качестве старшего научного сотрудника, заведующего отделом, зам. директора по научной части.

В конце 1938 г. А. К. Боровков был направлен в Узбекистан для оказания помощи в разработке нового узбекского алфавита и орфографии и в подготовке научных кадров. Здесь он работал зав. кафедрой узбекского языка Ташкентского государственного педагогического института (до 1945 г.), на филологическом факультете САГУ и в Институте языка и литературы АН УзССР.

В 1935 г. Президиум АН СССР присвоил А. К. Боровкову за долготлетнюю научную работу ученую степень кандидата филологических наук и звание профессора. В 1943 г. он был избран членом-корреспондентом АН УзССР, а в 1958 г. — членом-корреспондентом АН СССР. В 1943 г. Александру Константиновичу Боровкову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

Научная деятельность проф. А. К. Боровкова была тесно связана с изучением истории культуры тюркских народов, в частности узбекского народа, узбекского языкознания, литературы и искусства. Он внес неоценимый вклад в разработку истории узбекского языка и его диалектов, в сравнительное изучение узбекского языка с другими тюркскими и таджикскими языками, в разработку вопросов научной грамматики узбекского языка, в развитие узбекской лексикографии, письменности и орфографии, в создание учебников и учебных пособий для узбекских школ.

Перу А. К. Боровкова принадлежит свыше 90 научных работ, в том числе «Учебник уйгурского языка» (Л., 1935); «Грам-

матика узбекского языка», ч. 1, фонетика и морфология (неоднократно переиздававшаяся), краткие уйгурско-русский (Л., 1934) и узбекско-русский (Ташкент, 1942) словари и многие другие.

Александр Константинович всегда уделял большое внимание воспитанию и росту научных кадров, был чутким товарищем и наставником молодых ученых, охотно передавал им свои знания и опыт.

Занятый большой научной и педагогической работой, он тем не менее был активным общественником. Член КПСС с 1941 г. А. К. Боровков неоднократно был членом бюро и секретарем партийных организаций научно-исследовательских учреждений и выполнял другие партийные поручения.

Светлая память о скромном коммунисте, талантливом ученом, хорошем, отзывчивом товарище — Александре Константиновиче Боровкове — навсегда останется в сердцах его многочисленных друзей, товарищей и учеников.

У. А. Арифов, С. В. Стародубцев, И. М. Мунинов, В. Ю. Захидов, М. Т. Айбек, Г. Гулям, К. Е. Житов, Т. Н. Қары-Ниязов, Х. С. Сулайманова, Я. Г. Гулям, Р. Н. Набиев, Ю. С. Султанов, М. Ю. Юлдашев, А. П. Каюмов, Ф. А. Абдуллаев, В. Абдуллаев, Г. А. Абдурахманов, С. А. Азимджанова, О. Б. Джамалов, С. И. Ибрагимов, Ф. Қ. Камалов, Ф. М. Кароматов, Х. У. Курбанова, З. М. Магруфов, С. Муталибов, Х. С. Сулейманов, И. А. Султанов, М. М. Хайруллаев, Ш. Ш. Шаабдурахманов и др.

МУНДАРИЖА

Ўзбекистон ССР Фанлар академияси Ижтимоий фанлар бўлими инстигугларининг иш якуни ва улар олдидаги вазифалар.	5.
А. Музаффаров. Меҳнат — ўқувчи ёшларни коммунистик руҳда тарбиялаш воситаси.	13.
Ф. Ф. Кравец. Жануби Ғарбий Ўзбекистондаги кичик шаҳарларнинг ривожланиш истиқболи ҳақида.	20
Н. Йўлдошев. Ҳамзанинг Хоразм ХСР да маданият ва маориф соҳасида кўрсатган фаолияти (1921—1924).	27
С. И. Тансиқбоева, Ф. Г. Волохонская. Америка капиталининг Покистонга экспансияси (1950—1961).	35
Д. Я. Очилдиев. XX аср бошида Афғонистонда миллий мустақиллик учун олиб борилган кураш ва ўтказилган ислоҳотлар тарихидан.	43

Илмий ахборот

М. Умаров. Зарафшон этакларини географик нуқтаи назардан ўрганиш тарихига доир	51
А. Уролов. Бухоро ХСР катта ёшдаги аҳолиси саводсизлигининг тугатилиши ҳақида (1920—1924).	54.
Ю. Р. Раҳматуллаев. Совет инженерлик техникасини қўлланишнинг ажойиб тажрибаси (Улуғбек мадрасаси минорасини тўғрилаш).	56
В. П. Дьяченко. Туркистонда рус театри фаолияти тарихидан.	60
Ф. Валеев. Сибириядаги бухороликлар ва тошкентликларнинг моддий маданияти масаласига доир (Омск ўлкашунослик музейидаги маънавий турмуш жиҳозлари коллекцияси).	63

Танқид ва библиография

Ҳ. Зияев. Россия билан Ўрта Осиё муносабатларига бағишланган фойдали китоб.	67
А. Ирисов. Форобий ҳақида асар.	69

Хроника

Ҳ. П. Пўлатов. Илмий ходимларни фалсафий жиҳатдан тайёрлаш масаласи ва Ўзбекистон ССР Фанлар академияси фалсафа кафедрасининг фаолияти.	70
П. А. Ковалев. В. И. Ленин номидаги ТошДУ СССР тарихи кафедрасида олиб борилаётган илмий текшириш ишлари ҳақида.	72
Х. Милтиқбоев. Озарбайжон халқи шонли фарзандининг хотираси.	74
Александр Константинович Боровков (1904—1962).	75.

СОДЕРЖАНИЕ

К итогам и задачам работы институтов Отделения общественных наук АН УзССР.	5
А. Музафаров. Труд как средство коммунистического воспитания учащейся молодежи.	13
Ф. Ф. Кравец. О перспективах развития малых городов Юго-Западного Узбекистана.	20
Н. Юлдашев. О деятельности Хамзы в области культуры и просвещения в Хорезмской НСР (1921—1924).	27
С. И. Тансыкбаева, Ф. Г. Волохонская. Экспансия американского капитала в Пакистан (1950—1961).	35
Д. Я. Очильдиев. Из истории борьбы за национальную независимость и внутренние реформы в Афганистане в начале XX века.	43

Научные сообщения

М. Умаров. К истории географического изучения низовьев Зеравшана.	51
А. Уралов. О ликвидации неграмотности взрослого населения Бухарской НСР (1920—1924).	54
Ю. Р. Рахматуллаев. Выдающийся опыт применения советской инженерной техники (Выпрямление минарета медресе Улугбека).	56
В. П. Дьяченко. Из истории деятельности русского театра в Туркестане.	60
Ф. Валеев. К вопросу о материальной культуре сибирских бухарцев и ташкентцев (Коллекция предметов быта Омского краеведческого музея).	63

Критика и библиография

Х. Зияев. Полезная работа по истории русско-среднеазиатских отношений.	67
А. Ирисов. Книга о Фараби.	69

Хроника

Х. П. Пулатов. Вопросы философской подготовки научных кадров и деятельность кафедры философии АН УзССР.	70
П. А. Ковалев. О научно-исследовательской работе на кафедре истории СССР ТашГУ им. В. И. Ленина.	72
Х. Мильтыкбаев. Памяти славного сына азербайджанского народа.	74
<u>Александр Константинович Боровков (1904--1962).</u>	75

Технический редактор *Э. П. Горьковая*

Р-03389 Сдано в набор 4/XII—62 г. Подписано к печати 15/I—62 г. Формат
70×108¹/₁₆=2,5 бум.л.—печ. л.6,85 Уч.-изд. л, 7,0. Издат. № 633 Тираж 1180
Цена 40 к.

Типография Издательства: АН УзССР. Хорезмская, 9. Заказ 1358.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

Ташкент, Куйбышева, 15

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА, ТОМ I

На рус. яз. 391 стр. Цена 1 руб. 59 коп.

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ В УЗБЕКИСТАНАЕ.**

Февраль — ноябрь 1917 г.

На рус. яз. 287 стр. Цена 1 руб. 34 коп.

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В УЗБЕКИСТАНАЕ (1917—1926 гг.).**

На рус. яз. 796 стр. Цена 5 руб. 02 коп.

М. Гулямова

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

На рус. яз. 96 стр. Цена 63 коп.

Б. В. Лунин

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕДОВОЙ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ТУРКЕСТАНАЕ**

(научные общества конца XIX — начала XX вв.
и их вклад в изучение природы и истории края).

На рус. яз. 344 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

О. А. Сухарева

**ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД БУХАРА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА.
РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.**

На рус. яз. 194 стр., с илл. Цена 1 руб. 30 коп.

Х. Зияев

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И СИБИРЬ (XVI—XIX вв.)

На узб. яз. 344 стр. Цена 1 руб. 78 коп.

С заказами обращаться:

гор. Ташкент, ул. Навои, 30, Узглавкниготорг.

Индивидуальным покупателям, библиотекам, организациям книги
высылаются наложенным платежом без задатка.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

2. Сноска также печатается через два интервала и помещается вверху страницы, а не в конце статьи.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, издательство, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала (в кавычках), год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений, а также краткое резюме (до 1/2 стр. машинописи) на русском и узбекском языках.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные, на глянцевой бумаге, рисунки — выполненные тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. На обороте каждого рисунка надо указывать фамилию автора, название статьи, номер рисунка. К иллюстрациям следует прилагать список подписей под рисунками (в двух экземплярах).

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Следует указывать дату отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Объем не должен превышать:

а) для статей — 1/2 печ. л. (12 стр. машинописи);

б) для научных сообщений и рецензий — 1/4 печ. л. (5—6 стр. машинописи);

в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр. машинописи.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

Адрес редакции: г. Ташкент, п/о 34, ул. Навои, д. №55-а, Институт истории и археологии АН УзССР, для отв. секретаря журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Цена 40 к.

Индекс
75349